II № 1733

Мельников

ОПИСАНІЕ

ЛОМОНОСОВСКАГО ЮБИЛЕЯ.

Кабинет Сектора
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

2598к

Дозвол. Ценз. С.П.Б. 16 Октября 1865.

Лит. А. Мюнстера В.О. 2 л. № 7.

Михайло Ломоносовъ.

С 46
Л 733 П

ОПИСАНІЕ

НРАЗДНЕСТВА, БЫВШАГО ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ 6—9 АПРѢЛЯ 1865 ГОДА

ПО СЛУЧАЮ

СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ

ЛОМОНОСОВА.

По порученію Высочайше утвержденнаго Ломоносовскаго комитета составлено членомъ его

П. Мельниковымъ.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ ПОЛЬЗУ ЛОМОНОСОВСКАГО КАПИТАЛА НА УЧРЕЖДЕНІЕ СТИПЕНДІЙ И ПР.

1948

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1865.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», ПО МОЙКѢ, У КРУГЛАГО РЫНКА, 5.

Дозволено цензурою. Санктпетербургъ, 7 октября 1865 года.

2002

I.

Апрѣля 4-го 1865 года исполнилось *сто лѣтъ* со дня кончины Ломоносова. Задолго до этого времени въ разныхъ краяхъ Россіи возникла мысль—почтить память великаго дѣятеля празднованіемъ его юбилея *). Сильнѣе чѣмъ гдѣ либо должно было высказаться желаніе устроить Ломоносовскій праздникъ тамъ, гдѣ протекла благотворная для Россіи дѣятельность Ломоносова и гдѣ покоится его прахъ. Между жителями Петербурга разныхъ званій и состояній выражалось единодушное желаніе отдать должную дань памяти великаго русскаго человѣка. Сочувствуя общему настроенію, нѣкоторые изъ почитателей заслугъ Ломоносова рѣшились обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ слѣдующей запиской:

«Почитатели славной памяти Ломоносова уполномочили насъ, нижеподписавшихъ **), обратиться къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою о дозволеніи праздновать въ здѣшней столицѣ столѣтній его юбилей.

«Ломоносовъ — первый русскій филологъ, первый русскій историкъ, первый русскій натуралистъ. Онъ составилъ первую русскую грамматику и первый открылъ свойства русскаго стиха. По его мысли основанъ первый русскій университетъ и въ первый разъ изслѣдована Россія въ географическомъ, этнографическомъ, естественномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Съ Ломоносова начинается самостоятельность русской науки. Имя Ломоносова есть русское народное знамя въ области мысли, слова, науки.

«Въ разныхъ городахъ Имперіи приготовляются празднества по случаю столѣтняго юбилея Ломоносова. Въ Петербургѣ тѣмъ приличнѣе было бы такое празднество, что въ здѣшней столицѣ протекла благотворная для Россіи дѣятельность этого всеобъемлющаго генія и здѣсь, въ Александроневской Лаврѣ, покоится прахъ его.

«Русскіе въ Россіи праздновали юбилеи Шекспира и Шиллера. Какъ же имъ не праздновать юбилея своего кровнаго, роднаго генія, память котораго дорога всякому русскому и составляетъ предметъ законной нашей гордости?

«Программа юбилея предполагается слѣдующая:

---

*) Юбилей Ломоносова, кромѣ Петербурга и Москвы, праздновали въ Архангельскѣ, Холмогорахъ, Вяткѣ, Сергіевомъ-Посадѣ, Тулѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, Воронежѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Иркутскѣ, Вильнѣ, Гроднѣ, Дерптѣ, Ревелѣ, Нарвѣ и Ригѣ.

**) П. И. Мельниковъ, В. М. Лазаревскій, А. Н. Майковъ, Б. М. Маркевичъ и П. П. Семеновъ.

1) Такъ какъ день кончины Ломоносова приходится въ самое Свѣтлое Воскресенье, то во вторникъ на Святой недѣлѣ, 6 апрѣля, почитатели памяти Ломоносова собираются въ мундирахъ (буде ихъ имѣютъ) въ Александроневскую лавру къ божественной литургіи, по окончаніи которой на могилѣ Ломоносова духовенство отправитъ по церковному чиноположенію поминальное богослуженіе.

2) Въ тотъ же самый день въ залѣ Дворянскаго Собранія устроивается обѣдъ по подпискѣ, на которомъ произносятся рѣчи и стихи и читаются избранныя мѣста изъ сочиненій Ломоносова у его бюста. За обѣдомъ оркестръ играетъ лучшія произведенія русскихъ композиторовъ и поются русскія народныя пѣсни.

3) На обѣдѣ открывается подписка, продолжающаяся въ теченіи одного года по всей Имперіи, на слѣдующіе предметы: а) на стипендіи въ Московскомъ Университетѣ, основанномъ по мысли Ломоносова, и въ Московской Духовной Академіи, преобразованной изъ Заиконоспасской, въ которой учился Ломоносовъ; б) на выбитіе медали въ память юбилея; в) на премію и изданіе лучшаго жизнеописанія Ломоносова; г) на премію и изданіе лучшаго сочиненія о Ломоносовѣ для простаго народа, изъ котораго бы русскій простолюдинъ ясно могъ уразумѣть до какой степени онъ можетъ подняться при терпѣніи и энергическомъ стремленіи къ самообразованію.

4) Впослѣдствіи учредить въ Петербургѣ общество любителей русской словесности и наукъ подъ именемъ «*Ломоносовскаго*», уставъ котораго по составленіи представить въ установленномъ порядкѣ на Высочайшее усмотрѣніе. Это общество со временемъ разсмотритъ представленныя на конкурсъ сочиненія и издастъ въ свѣтъ тѣ изъ нихъ, которыя будутъ удостоены премій.

5) Просить Дирекцію Императорскихъ театровъ, чтобы 8 апрѣля, въ день открытія спектаклей, въ Большомъ или Маріинскомъ театрѣ данъ былъ спектакль, составленный изъ слѣдующихъ пьесъ: «*Ломоносовъ*», драматическая повѣсть Н. Полеваго, «*Рекрутъ-стихотворецъ*», соч. князя Шаховскаго, и избранныя мѣста изъ трагедіи самого Ломоносова «*Тамира и Селимъ*».

«Списокъ распорядителей празднества при семъ представляется».

Статсъ-секретарь *П. А. Валуевъ*, съ живѣйшимъ сочувствіемъ принявъ эту записку, выразилъ, что со стороны управляемаго имъ министерства будетъ сдѣлано все, чтобы предположенное чествованіе памяти Ломоносова увѣнчалось полнѣйшимъ успѣхомъ и что онъ поданной ему запискѣ немедленно дастъ законный ходъ.

Записка о празднованіи въ Петербургѣ столѣтняго юбилея Ломоносова внесена была въ Комитетъ гг. Министровъ.

Въ 19 день марта 1865 года послѣдовало Высочайшее утвержденіе слѣдующаго положенія Комитета гг. Министровъ:

«Министръ внутреннихъ дѣлъ вносилъ въ Комитетъ Министровъ записку о празднованіи въ С.-Петербургѣ столѣтняго юбилея Ломоносова въ слѣдующемъ порядкѣ:

«1) Совершить 6-го будущаго апрѣля, послѣ божественной литургіи въ Александроневской лаврѣ, богослуженіе на могилѣ Ломоносова».

«2) Того же числа устроить обѣдъ въ залѣ дворянскаго собранія».

«3) Апрѣля 8-го дать представленіе въ Маріинскомъ театрѣ, по составленной учредителями торжества программѣ».

«4) Открыть по всей Имперіи въ теченіе года подписку: а) на учрежденіе, въ память Ломоносова, двухъ стипендій — одной въ Московскомъ Университетѣ, а другой въ Московской Духовной Академіи, б) на выбитіе медали въ память юбилея, в) на премію за лучшее жизнеописаніе Ломоносова, г) на премію за лучшее сочиненіе о Ломоносовѣ для простаго народа, и д) на изданіе обоихъ помянутыхъ сочиненій».

«При запискѣ внесенъ былъ и списокъ распорядителей юбилея».

«Комитетъ полагалъ ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о разрѣшеніи празднованія юбилея по сей программѣ, предоставивъ министру внутреннихъ дѣлъ разрѣшеніе подробностей его».

На журналѣ комитета послѣдовала, въ 19-й день марта 1865 года, Собственноручная Его Императорскаго Величества резолюція: «*Исполнить*».

Получивъ Высочайшее соизволеніе, учредители юбилея собрались въ первое собраніе 21 марта*). Предсѣдателемъ собранія распорядителей единодушно былъ избранъ с.-петербургскій губернскій предводитель дворянства князь *Г. А. Щербатовъ*. Первое собраніе открылось чтеніемъ Высочайше утвержденнаго положенія Комитета г.г. Министровъ и за тѣмъ, для успѣшнѣйшаго хода приготовленій, образованы были четыре коммиссіи:

1) Для приглашенія высшаго духовенства для богослуженія въ Александроневской Лаврѣ и на могилѣ (князь Г. А. Щербатовъ, П. И. Мельниковъ и А. Н. Майковъ).

2) Для устройства обѣда, вокально-инструментальнаго концерта и для убранства залы Дворянскаго Собранія (графъ М. Я. Ростовцовъ, Б. М. Маркевичъ, графъ П. Г. Шуваловъ, П. И. Мельниковъ и Н. И. Погребовъ).

3) Для разсмотрѣнія рѣчей и стихотвореній, предназначенныхъ къ прочтенію на обѣдѣ (Ег. П. Ковалевскій, В. Н. Карамзинъ, Д. М. Перевощиковъ, И. И. Срезневскій, П. К. Меньковъ, П. В. Анненковъ, А. Д. Галаховъ, С. С. Дудышкинъ и А. А. Краевскій).

4) Для составленія программы спектакля на Маріинскомъ театрѣ (князь Г. Г. Гагаринъ, Б. М. Маркевичъ, А. А. Краевскій и Я. П. Полонскій).

Отдѣльныя коммиссіи съ 22 марта приступили къ дѣлу, каждая по своей части, докладывая общему собранію распорядителей, собиравшемуся еще шесть разъ.

Во второмъ общемъ собраніи (25 марта) рѣшено было измѣнить нѣсколько порядокъ празднества. По случаю назначенія Академіею Наукъ торжественнаго своего собранія въ тотъ самый день, когда по программѣ юбилея назначены были богослуженіе и обѣдъ, распорядители перенесли обѣдъ на 7 апрѣля.

*) Собранія распорядителей и отдѣльныхъ коммисій происходили въ Депутатскомъ Дворянскомъ собраніи.

Члены первой коммисіи, 28 марта, обратились къ высокопреосвященному Исидору, митрополиту новгородскому и с.-петербургскому, съ покорнѣйшею просьбою: благословить предположенное торжество въ память великаго русскаго дѣятеля и принять личное участіе въ поминальномъ о душѣ его богослуженіи. Его высокопреосвященство съ теплымъ сочувствіемъ отнесся къ предпринятому поминовенію Ломоносова, благословилъ распорядителей, изъявилъ полную готовность на совершеніе богослуженія 6 апрѣля и прибавилъ, что все нужное для поминовенія Ломоносова будетъ сдѣлано Лаврою.

Послѣ того члены первой коммисіи обратились къ синодальнымъ членамъ, викарнымъ архіереямъ и намѣстнику Лавры, архимандриту Герману, съ просьбою о принятіи участія въ богослуженіи. Съ живѣйшимъ участіемъ отозвались они на просьбу распорядителей, благословили ихъ предпріятіе, указывая при томъ на Ломоносова, до конца жизни неуклонно пребывавшаго въ лонѣ Православія, какъ на поучительный примѣръ современнымъ ученымъ и писателямъ. Высокопреосвященный Арсеній, митрополитъ кіевскій и галицкій, назидательно развилъ эту мысль въ письмѣ къ президенту Академіи Наукъ, Ѳ. П. Литке, отъ 31 марта, переданномъ по принадлежности распорядителямъ юбилея. Вотъ оно:

«Приглашеніе вашего высокопревосходительства, отъ 29 сего марта за № 704, къ участію въ имѣющемъ быть 6 апрѣля торжественномъ собраніи, по случаю столѣтняго юбилея великаго нашего ученаго Ломоносова, принимаю съ благодарностью, тѣмъ болѣе, что въ судьбѣ и славѣ Ломоносова и православная церковь имѣетъ свою долю участія и содѣйствія, и быть можетъ, даже не малую. Она дала ему первоначальное образованіе на началахъ твердыхъ, строго религіозныхъ и національныхъ, которымъ онъ, къ счастью, вопреки нынѣшнимъ мудрецамъ-космополитамъ, остался вѣренъ до смерти. Она пробудила и раскрыла его могучій геній своими пѣснопѣніями, изъ которыхъ онъ преимущественно, во всю жизнь свою, любилъ почерпать свои вдохновенія. Она обогатила и украсила его умъ и языкъ, облагородила и возвысила его духъ и характеръ своими письменами священными, указавъ въ нихъ для него обильный источникъ мудрости земной и небесной, міровые планы Провидѣнія, основные законы мысли и слова, и наконецъ — высокіе образцы всѣхъ возможныхъ совершенствъ нравственныхъ, которые должны быть для человѣка конечною цѣлью и безъ которыхъ нѣтъ для него ни жизни, ни свѣта, ни истины, ни красоты, ни блага, ни блаженства.

«Прилагаемые при семъ *сто* рублей сер. прошу передать въ кассу распорядителей юбилея.

«Призывая на васъ благословеніе Божіе и пр.

Арсеній, *митрополитъ кіевскій.*

Это былъ первый вкладъ въ Ломоносовскій капиталъ. Признавъ участіе святителя «матери городовъ русскихъ» видимымъ знакомъ благословенія Божія предпринятому сбору пожертвованій, распорядители юбилея возложили твердую надежду, что предпріятіе ихъ, при помощи Божіей и усердіи православныхъ, увѣнчается желаемымъ успѣхомъ.

Члены второй коммиссіи вездѣ встрѣчали самое живое участіе къ предпринятому дѣлу. Въ Лаврѣ, съ благословенія высокопреосвященнаго митрополита, намѣстникъ, архимандритъ Германъ, распорядился очисткою кладбища отъ снѣга, устройствомъ вокругъ могилы помоста, украшеніемъ надгробнаго памятника растеніями и цвѣтами изъ лаврскихъ оранжерей, полнымъ освѣщеніемъ церкви во время богослуженія и раздачею богомольцамъ панихидныхъ свѣчъ*). Императорская Академія наукъ доставила въ залу Дворянскаго Собранія, а потомъ въ Маріинскій театръ, прекрасной работы мраморный бюстъ Ломоносова, поступившій въ нее изъ бывшей Россійской Академіи. Императорская публичная библіотека предоставила въ распоряженіе второй коммиссіи, рѣдкіе нынѣ, гравированные портреты Ломоносова для воспроизведенія ихъ посредствомъ фотографіи**). Министръ юстиціи, *Д. Н. Замятнинъ*, по просьбѣ второй коммисіи, разрѣшилъ перенести оригинальные портреты Петра Великаго и Императрицы Елизаветы Петровны изъ Правительствующаго Сената въ домъ Дворянскаго Собранія. Князь *С. М. Воронцовъ*, по телеграфу изъ Одессы, приказалъ управляющему своимъ домомъ въ Петербургѣ доставить распорядителямъ юбилея мозаическій портретъ графа М. И. Воронцова, работы Ломоносова. Одинъ изъ распорядителей, графъ *А. П. Шуваловъ*, доставилъ оригинальный портретъ И. И. Шувалова. Владѣльцы лучшихъ въ Петербургѣ оранжерей, *В. Ѳ. Громовъ* и *Я. И. Утинъ*, предложили въ распоряженіе второй коммисіи всѣ свои растенія и цвѣты. Капельмейстеръ русской оперы, *К. Н. Лядовъ*, и извѣстные артисты, *О. А. Петровъ*, *Ѳ. К. Никольскій* и *г. Васильевъ 2*, вызвались безвозмездно принять участіе въ Ломоносовскомъ праздникѣ.

Третья коммиссія занималась разсмотрѣніемъ рѣчей и стихотвореній и выборкою мѣстъ изъ твореній Ломоносова для прочтенія во время обѣда.

Четвертая коммиссія, по совѣщаніи съ начальникомъ репертуарной части Дирекціи Императорскихъ Театровъ, *П. С. Ѳедоровымъ*, пришла къ заключенію, что Ломоносовскую трагедію «*Тамира и Селимъ*» или отрывковъ изъ нея поставить на сцену неудобно, что «*Рекрутъ-стихотворецъ*» кн. Шаховскаго для возобновленія на сценѣ

*) Издержки Лавры составляли болѣе 120 рублей. Архимандритъ Германъ, 18 апрѣля, писалъ къ члену первой коммиссіи, П. И. Мельникову: «князь Г. А. Щербатовъ упоминалъ, что комитетъ распорядителей Ломоносовскаго юбилея позаботится вознаградить Лавру за эти расходы, но я уполномоченъ заявить, что этого не требуется, и если предназначена на этотъ предметъ какая либо сумма, то было бы желательно, чтобы она присоединена была къ фонду для Ломоносовской стипендіи въ Московской Духовной Академіи».

**) Эти портреты (работы Деньера) продавались во время обѣда. За покрытіемъ издержекъ, выручено 50 руб. Эта сумма пріобщена къ пожертвованіямъ на Ломоносовскій капиталъ.

потребуетъ много времени, а потому и ограничилась изъ предположенныхъ программою пьесъ одною драматическою повѣстью Н. Полеваго «*Ломоносовъ*». Кромѣ того, четвертая коммиссія задумала поставить живыя картины, и князь Г. Г. Гагаринъ сдѣлалъ для того превосходный рисунокъ апотеоза. Къ сожалѣнію краткость времени помѣшала его исполненію. По той же причинѣ и другія живыя картины были отложены.

II.

Апрѣля 6 погода была прекрасная. Часовъ съ 9 обширный дворъ Лавры и проспектъ между Лазаревскимъ и Новымъ кладбищами наполнились народомъ. Обширная церковь Св. Духа могла вмѣстить только часть собравшихся *). Здѣсь были представители разныхъ административныхъ вѣдомствъ, нѣкоторые академики, профессора, писатели, много студентовъ духовной академіи и воспитанниковъ духовной семинаріи, были и воспитанники другихъ учебныхъ заведеній. Потомки Ломоносова по женской линіи **) и всѣ распорядители юбилея также находились въ церкви. Заупокойную литургію совершалъ Исидоръ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, въ сослуженіи съ шестью архимандритами и четырьмя іеромонахами ***). По окончаніи литургіи среди церкви, по церковному чиноположенію, соборную панихиду совершили слѣдующія лица:

Исидоръ, митрополитъ новгородскій, с.-петербургскій, эстляндскій и финляндскій и Святотроицкія Александроневская Лавры священно-архимандритъ.

Арсеній, митрополитъ кіевскій и галицкій и Кіево-Печерской Лавры священно-архимандритъ.

Филовей, архіепископъ тверской и кашинскій.

Платонъ, архіепископъ рижскій и митавскій.

Филаретъ, епископъ уфимскій и мензелинскій.

Герасимъ, епископъ ревельскій, викарій с.-петербургской епархіи.

Іоаннъ, епископъ выборгскій, викарій с.-петербургской епархіи, ректоръ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Синодальный членъ, протопресвитеръ Московскаго Благовѣщенскаго и С.-Петер-

*) Въ Святотроицкомъ соборѣ, который гораздо обширнѣе Духовской церкви, по обычаямъ Александроневской Лавры, не совершается заупокойныхъ богослуженій.

**) Н. М. Орловъ и М. Н. Раевскій. Родословную Ломоносова см. въ приложеніи.

***) *Архимандриты:* Германъ, Палладій, Алексій, Никаноръ, Владиміръ и Поликарпъ; *іеромонахи*: Даніилъ, Михаилъ, Фотинъ и Сергій.

бургскаго Спасскаго въ Зимнемъ Дворцѣ соборовъ, Духовникъ Ихъ Величествъ и Главный Священникъ Гвардейскаго корпуса, *В. Б. Бажановъ* *).

Архимандритъ *Германъ*, намѣстникъ Александроневской Лавры.

Архимандритъ *Палладій*, ректоръ С.-Петербургской Духовной Семинаріи.

Архимандритъ *Алексій*, ректоръ Владимірской Духовной Семинаріи, настоятель Муромскаго Благовѣщенскаго Монастыря.

Архимандритъ *Никаноръ*, ректоръ Саратовской Духовной Семинаріи, настоятель Саратовскаго Спасопреображенскаго Монастыря.

Архимандритъ *Владиміръ*, инспекторъ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Архимандритъ *Поликарпъ*, смотритель с.-петербургскихъ духовныхъ училищъ.

Архимандритъ *Митрофанъ*, ризничій и членъ духовнаго собора Александроневской Лавры.

Іеромонахъ *Даніилъ*, экономъ и членъ духовнаго собора Лавры.

Іеромонахъ *Михаилъ*, правитель дѣлъ духовнаго собора Лавры.

Іеромонахъ *Фотинъ*.

Іеромонахъ *Сергій*.

По окончаніи соборной панихиды духовная процессія, состоявшая изъ всѣхъ названныхъ лицъ, въ блестящемъ облаченіи, двинулась изъ церкви на Лазаревское кладбище. Впереди шли два хора пѣвчихъ, оглашавшіе воздухъ пѣніемъ: *Христосъ воскресе!* За духовенствомъ слѣдовали всѣ бывшіе въ церкви.

Все кладбище было наполнено народомъ. Прекрасный, надгробный памятникъ Ломоносова **) былъ обставленъ рядами лавровыхъ, померанцовыхъ и миртовыхъ деревьевъ, и верхъ его украшенъ цвѣтами. На памятникѣ и у его подножія было много букетовъ и вѣнковъ, положенныхъ почитателями Ломоносова ***). На могилѣ совершена литія и провозглашена вѣчная память «*приснопамятному рабу Божію Михаилу*», на что хоры отвѣчали пѣніемъ: *Христосъ воскресе!*

Такимъ образомъ совершилось христіанское поминовеніе Ломоносова. Едва ли возможно въ цѣломъ православномъ мірѣ болѣе торжественное поминовеніе.

Распорядители юбилея въ митрополичьихъ покояхъ принесли свою признательность синодальнымъ членамъ за принятіе личнаго участія въ поминальномъ торжествѣ по Ломоносовѣ. «Церковь исполнила лишь свою обязанность, — сказалъ на это старѣйшій архипастырь, Ломоносовъ былъ истиннымъ православнымъ христіа-

*) Покойный синодальный членъ, протопресвитеръ В. П. Кутневичъ, не могъ принять участія въ богослуженіи по болѣзни.

**) Мраморный памятникъ, работы графа Франческо дель Медика въ Каррарѣ, воздвигнутъ на могилѣ Ломоносова канцлеромъ, графомъ М. И. Воронцовымъ, и возобновленъ въ 1832 г. графомъ (впослѣдствіи княземъ) М. С. Воронцовымъ. Рисунокъ его и надписи приложены къ сей книжкѣ.

***) Изъ нихъ особенно замѣчательны были по изяществу два большіе вѣнка: одинъ лавровый, съ надписью, сдѣланною изъ цвѣтовъ: «*отъ русскихъ патріотокъ*», а другой изъ гіацинтовъ, камелій, розъ и азалій, положенный *отъ имени русскихъ женщинъ*. Всѣ вѣнки, букеты и растенія, украшавшіе могилу Ломоносова были разобраны по частямъ бывшими на кладбищѣ его почитателями. Взяты на память даже черепки отъ цвѣточныхъ горшковъ.

нишомъ и тѣмъ показалъ образецъ истиннаго ученаго ученымъ и писателямъ нынѣшняго времени. Всѣ его творенія проникнуты высокимъ религіознымъ духомъ. Дай Богъ Россіи больше людей ему подобныхъ».

Богослуженіе кончилось въ часъ пополудни, а въ 2 началось торжественное собраніе Академіи Наукъ, куда и поспѣшили всѣ бывшіе въ Лаврѣ. Въ срединѣ академической залы торжественныхъ собраній стояла каѳедра, а надъ нею бюстъ Ломоносова, украшенный цвѣтами и растеніями. Никогда Академія не видала въ своихъ стѣнахъ и четвертой доли такого многочисленнаго собранія *). Здѣсь были: высшее духовенство, представители всѣхъ высшихъ государственныхъ и ученыхъ учрежденій, много дамъ, значительное число русскихъ купцовъ и даже невиданные доселѣ Академіею посѣтители въ синихъ сибиркахъ. Обширная зала не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ присутствовать при чествованіи Академіею славнаго русскаго академика и многіе изъ нихъ тѣснились въ переднихъ комнатахъ. Послѣ объявленія непремѣннымъ секретаремъ объ учрежденіи съ 1866 года Ломоносовскихъ премій за полезныя изобрѣтенія и лучшія сочиненія, академики *Я. К. Гротъ* и *А. В. Никитенко* прочитали свои рѣчи.

III.

Апрѣля 7 въ залѣ Дворянскаго Собранія былъ Ломоносовскій обѣдъ на 550 человѣкъ. Число желавшихъ въ немъ участвовать было значительнѣе, но всѣхъ въ залѣ невозможно было помѣстить.

Залъ Дворянскаго Собранія былъ убранъ великолѣпно; петербургскіе старожилы увѣряютъ, что онъ никогда не былъ такъ украшенъ какъ въ этотъ день. Въ глубинѣ Императорской ложи, уставленной тропическими растеніями, подъ балдахиномъ и Императорской короной, поставлены были три во весь ростъ портреты: Петра Великаго, а по сторонамъ его Императрицъ: Елизаветы Петровны и Екатерины II. Передъ ними стоялъ выдвинутый нѣсколько въ залу бюстъ Ломоносова, окруженный тройнымъ рядомъ цвѣтовъ и растеній и увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ **). По сторонамъ бюста, подъ золоченными балюстрадами ложи, были помѣщены поясные портреты друзей и покровителей Ломоносова: Ив. Ив. Шувалова и графа М. И. Воронцова (мозаической работы Ломоносова). Эстрада противъ Императорской ложи представляла рощу огромныхъ лавровъ, кипарисовъ, миндальныхъ и померанцовыхъ

*) До 1,200 человѣкъ.

**) По окончаніи обѣда распорядители вручили этотъ вѣнокъ госпожамъ Раевскимъ.

деревьевъ; надъ нею, по бѣлому полю, огромными прямыми буквами были начертаны слова Ломоносова:

... Можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать.

Надъ этой надписью на хорахъ устроено было особое помѣщеніе для дамъ изъ фамилій Раевскихъ, кругомъ него — мѣста для зрителей*). Съ хоръ развѣвались разноцвѣтные флаги. Направо отъ Императорской ложи возвышалась для оркестра и хоровъ русской оперы **) обширная эстрада, уставленная рѣдкими тропическими растеніями, мѣсто дирижёра осѣняла огромная пальма. По угламъ залы и между колоннами были цѣлыя пирамиды зелени и цвѣтовъ. На столахъ стояли вазы съ гіацинтами, азаліями, розами и другими цвѣтами.

Противъ Императорской ложи, вдоль залы, былъ накрытъ столъ на 80 приборовъ. Въ серединѣ его занималъ мѣсто предсѣдатель, князь Г. А. Щербатовъ, а по сторонамъ его — приглашенные, въ качествѣ почетныхъ гостей, потомки Ломоносова: И. М. Орловъ и М. Н. Раевскій ***). Остальные девять столовъ были размѣщены въ ширину залы и по тремъ ея фасамъ на ступеняхъ, ведущихъ изъ галлерей, находящихся за колоннами. На каждомъ приборѣ лежала роспись обѣда съ изящнымъ рисункомъ князя Г. Г. Гагарина †). Сервировка была прекрасная, прислуги достаточно (175 человѣкъ). Всѣ отдавали справедливость порядку, бывшему во время обѣда. За каждымъ столомъ сидѣло по два, по три и болѣе распорядителей для наблюденія за порядкомъ. Они отличались надѣтыми въ петлицу кокардами изъ ленты русскихъ государственныхъ цвѣтовъ.

Къ 5 часамъ три залы и угловая гостиная Дворянскаго Собранія (гдѣ подана была закуска) наполнились участниками обѣда. Посредствомъ зажигательной нити въ обѣденной залѣ мгновенно зажглось до 4 тысячъ свѣчъ на восьми большихъ и сорока малыхъ люстрахъ и при звукахъ исполненнаго оркестрами и хорами польскаго на мотивъ *Слава на небѣ!* участники обѣда вошли въ залу и заняли мѣста. Обѣдъ начался при исполненіи начала 2-го акта новой оперы А. Н. Сѣрова «*Рогнѣда*». (Пиръ Владиміра-Красна Солнышка и пѣсня скомороховъ); за тѣмъ г. Никольскій пропѣлъ «*Травушку*» г. Бантышева и по общему желанію повторилъ ее.

Въ назначенное для тостовъ время предсѣдатель, князь Г. А. Щербатовъ, провозгласилъ первый тостъ за здоровье Государя Императора. Зала огласилась громкимъ

---

*) На хорахъ было 320 дамъ и болѣе 80 мужчинъ.

**) На эстрадѣ было до 200 музыкантовъ и хористовъ, кромѣ того, на хорахъ былъ санерный оркестръ изъ 50 музыкантовъ.

***) Князь М. С. Волконскій, графъ П. Г. Ностицъ и И. И. Раевскій не присутствовали на обѣдѣ, первые двое по нездоровью, а послѣдній по случаю отъѣзда изъ Петербурга.

†) Она приложена при этой книжкѣ.

ура и хоръ, вмѣстѣ съ оркестрами, грянулъ, на голосъ старинаго царскаго подблюднаго величанья:

Слава на небѣ красному солнышку! Слава!
А на землѣ Государю Великому! Слава!
Чтобы царству Его прославлятися! Слава!
Чтобъ народу Его благоденствовать! Слава!
Чтобы судьямъ Его судить праведно! Слава!
Чтобы войску Его сіять доблестью! Слава!
Чтобъ подъ сѣнью Его цвѣсти знаніямъ! Слава!
Чтобъ Россіи Его славить во вѣки! Слава!
Мы Царю-Государю славу поемъ! Слава!
Славу поемъ, Царю честь воздаемъ! Слава!

При послѣднемъ звукѣ этой пѣсни, князь Щербатовъ провозгласилъ второй тостъ за здоровье Государыни Императрицы. Раздалось новое ура и старинное величанье продолжалось:

Слава на небѣ утренней зорюшкѣ! Слава!
А на землѣ Государынѣ ласковой! Слава!
Чтобъ Ей здравствовать въ счастіи, въ радости! Слава!
Чтобъ улыбкой и ласкою народъ радовать! Слава!
Православной Царицѣ мы славу поемъ! Слава!
Славу поемъ, мы Ей честь воздаемъ! Слава!

За тѣмъ наступила самая трогательная, самая умилительная минута. Князь Щербатовъ провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Наслѣдника Цесаревича. Потрясающія извѣстія изъ Ниццы были уже извѣстны, но всѣ еще надѣялись и никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы страшный исходъ болѣзни Цесаревича былъ неизбѣженъ. Подъ вліяніемъ этого чувства раздался въ залѣ такой взрывъ энтузіазма, что и въ самой Россіи онъ едва ли не былъ безпримѣрнымъ. Цѣлыя десять минутъ раздавалось ура, но это былъ не обычный, конечно всегда искренній и задушевный кликъ русскаго народа; нѣтъ, въ этихъ кликахъ, совершенно заглушившихъ два оркестра и стоголосный хоръ, сказалась вся любовь русскихъ къ своимъ Государямъ, еще тѣснѣе соединяющая Царя и народъ въ минуты общаго горя. Всѣ слились въ одну общую русскую семью, у всѣхъ было одно на душѣ: участь Россіи, участь юнаго ея Любимца, первенца Царя и Царства. Такія минуты никогда не забываются. И какъ глубоко западали на душу слова хора:

Слава на небѣ ясному мѣсяцу! Слава!
А на землѣ Государю Царевичу! Слава!
Чтобы жить Ему — тѣшить Родителей! Слава!
Чтобъ людямъ, на него глядя, — тѣшиться! Слава!
Государю Царевичу славу поемъ! Слава!
Славу поемъ, Ему честь воздаемъ! Слава!

По общему желанію, предсѣдатель, князь Щербатовъ, тотчасъ же отправилъ въ Ниццу къ графу С. Г. Строгонову, отъ имени распорядителей юбилея, слѣдующую телеграмму:

«Тостъ за здоровье Государя Наслѣдника Цесаревича, предложенный въ присутствіи тысячи человѣкъ, собравшихся для празднованія юбилея Ломоносова, былъ принятъ съ безпримѣрнымъ энтузіазмомъ и съ сочувствіемъ, доходившимъ до слезъ. Распорядители празднества считаютъ обязанностью просить васъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Его Высочества, если состояніе здоровья Его это позволитъ.»

На другой день князь Щербатовъ получилъ по телеграфу слѣдующій отвѣтъ графа Строгонова:

«Съ Божіею помощью, телеграмма будетъ представлена Государю Наслѣднику. Общее сочув-
«ствіе тронетъ Его Высочество, единственная мысль Котораго—сдѣлаться достойнымъ подоб-
«ныхъ чувствъ.

«Графъ Строгановъ.»

Ницца, 8-го (20-го) апрѣля,
«12 часовъ 35 мин. по полудни».

Тостъ за здоровье Царствующаго Дома провозглашенъ былъ при кликахъ *ура* и при пѣніи заключительныхъ словъ стариннаго величанья:

Слава на небѣ звѣздочкамъ частымъ! Слава!
А на землѣ Государеву племени! Слава!
Царскому роду мы славу поемъ! Слава!
Славу поемъ, Царю честь воздаемъ! Слава! *)

Обѣдъ продолжался. Русская опера превосходно исполнила хоръ «*Возлѣ рѣчки, возлѣ моста*», соч. г. Лядова, а за тѣмъ изъ Императорской ложи **) *А. Н. Майковъ* прочелъ слѣдующее стихотвореніе

Когда на зовъ Петра отвсюду
Къ намъ иноземцы потекли,
Они дивились, словно чуду,
Своей судьбѣ и шли къ намъ, шли

Въ край полный тайны заповѣдной,
Богатствомъ славный искони,
И такъ ужь пѣснію побѣдной
Заранѣ тѣшились они:

«Съ страною варварской сосѣдя,
Средь вѣчныхъ жили мы заботъ:
Встарь отъ московскаго медвѣдя
Намъ въ меченосцахъ былъ оплотъ —

«Онъ ихъ сломалъ. Явились шведы —
Примялъ и ихъ! и вдругъ теперь
Задумалъ самъ, въ чаду побѣды,
У насъ учиться добрый звѣрь!

*) Слова «заздравнаго величанья» нарочно для юбилея передѣланы А. Н. Майковымъ.

**) Рѣчи и стихотворенія читались въ Императорской ложѣ налѣво отъ бюста, надъ мозаическимъ портретомъ графа Воронцова.—Оду Ломоносова В. Н. Карамзинъ, стоя направо, у самаго бюста.

«Исполнимъ мудрую затѣю!
Дадимъ искусныхъ вожаковъ,
Кольцо въ ноздрю, ремень на шею —
И весь опъ нашъ, гроза лѣсовъ!

«Славянъ учить — намъ трудъ не новый!
Приняться дружно — и въ конецъ
Переработаться готовы
Они на всякій образецъ!

«Лишь только бъ въ мракъ ихъ суевѣрій
Науки нашей лучъ проникъ,
Ста лѣтъ не минетъ — эти звѣри
Забудутъ даже свой языкъ!»

И вотъ ужъ близко было къ цѣли.
Скончался Царь. Они стѣной
На ступеняхъ престола сѣли,
Какъ надъ забранною страной

Сыны бояръ, едва, какъ дѣти,
Прозрѣвъ науки чудеса,
Покорно падали въ ихъ сѣти.
Народъ — бѣжалъ въ свои лѣса.

И — средь безмолвія и страха,
Средь казней, пытокъ и опалъ,
Ужъ на корону Мономаха
Курляндецъ дерзкій посягалъ...

Торжествовалъ германскій геній,
Мечтая съ лавромъ на челѣ,
Какъ посреди своихъ владѣній,
Чуть не по всей пройдти землѣ,

А насъ, осиленныхъ безъ бою,
Влачить какъ плѣнныхъ дикарей,
Со всей славянскою семьею,
За колесницею своей...

Но Богъ, изведшій Русь изъ плѣна
Отъ агарянъ, не попустилъ,
Чтобъ извела ее измѣна,
И гнѣвъ на милость преложилъ.

Избралъ единаго отъ малыхъ,
Ему открылся въ блескѣ льдовъ,
Въ сіяньѣ звѣздъ и въ зо́ряхъ алыхъ,
Въ раскатѣ волнъ, въ шуму лѣсовъ.

И, повелѣвъ оставить свѣти,
Повелъ его изъ града въ градъ,
Чтобъ Русь позналъ отъ темной клѣти
До свѣтлыхъ княжескихъ палатъ.

Повелъ его на западъ славный,
Чтобъ воспріялъ онъ въ разумъ тамъ
Все откровенное издавна
Великимъ, избраннымъ мужамъ,

Чтобъ отъ свѣтильника ихъ знаній
Свѣтильникъ свой онъ воспалилъ
И, высоко держа во длани,
Весь край родной имъ озарилъ.

Хвала послушавшему Бога,
За нимъ пошедшему къ борьбѣ
Въ путь славныхъ дѣлъ — но скорби многой,
О чудный мужъ, хвала тебѣ!

Передъ коварными врагами
Стоялъ ты — крѣпкій подъ грозой,
Какъ дубъ съ глубокими корнями,
Утесъ, увѣнчанный зарей!

Стоялъ одинъ — съ челомъ открытымъ,
Съ орлинымъ взглядомъ, какъ глядѣлъ,
На оный морѣ ледовитомъ,
На чудеса Господнихъ дѣлъ!

Стоялъ, презрѣвъ всю скорбь и муки,
И, вѣрный Богу своему,
Упорно требовалъ въ наукѣ
Гражданства русскому уму!

Мои труды вотще не канутъ,
Ты говорилъ. По всей странѣ
Сыны россійскіе вспомянутъ
И пожалѣютъ обо мнѣ!

И — день насталъ! И — просвѣтленный —
Теперь изъ пыли вѣковой,
Передъ Россіей обновленной,
Возникъ могучій образъ твой.

Ужь мы теперь — твое потомство!
Межъ насъ — столѣтье! Много бѣдъ,
Измѣнъ, ошибокъ, вѣроломства,
Россія вынесла въ сто лѣтъ

Въ ней пришлый духъ неотразимо
Торжествовалъ и былъ могучъ;
Но ты питалъ ее незримо,
Какъ подъ землей журчащій ключъ.

Твоею ревностью согрѣты,
Подвигались многіе съ тобой!
Ты свѣтлыхъ дѣлъ Елисаветы
Былъ животворною душой;

Ты — далъ пѣвца Екатеринѣ,
Всецѣло жилъ въ ея орлахъ,
И отблескъ твой горитъ и нынѣ
На лучшихъ русскихъ именахъ!

И не твоимъ далекимъ внукамъ
Твой горькій вопль произнести —
«Что видно не далъ Богъ наукамъ
Въ земляхъ россійскихъ возрасти»:

Съ Царемъ, съ которымъ у народа
Едино сердце, духъ единъ —
Откудабъ къ намъ ни шла невзгода, —
Не дрогнетъ русскій исполинъ!

Даруя подданнымъ свободу,
Онъ къ свѣту, властною рукой,
Широкій путь открылъ народу,
Путь, уготованный тобой!

Кончивъ свое стихотвореніе, А. Н. Майковъ подошелъ къ бюсту и, поднявъ бокалъ провозгласилъ:

въ память нашего великаго, нашего славнаго Ломоносова!

Все собраніе встало при этихъ словахъ и раздалось громкое ура! Сначала на хорахъ, а потомъ на эстрадѣ раздались всѣмъ знакомые, величественные звуки Глинки *). Хоры пѣли:

Славься, славься, великій мужъ!
Ты насадитель наукъ на Руси!
Доброе сѣмя посѣялъ ты въ ней!
Жатва все зрѣетъ — что годъ, то пышнѣй!
Мы ужь дѣти его —
Пожинаемъ плоды;
Лѣтъ немного пройдетъ,
И вся Русь ихъ пожнетъ;
Весь народъ возгласитъ:
Память во вѣкъ
Ломоносову!

*) Финалъ эпилога оперы «*Жизнь за Царя*». Для полнаго его исполненія на хорахъ залы предварительно были повѣшены колокола.

Обѣдъ продолжался. Г. Петровъ пѣлъ пѣснюБахметева «*Борода — ль моя, бородушка*» и повторилъ ее по общему желанію. За тѣмъ непремѣнный секретарь Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, *А. И. Ходневъ*, произнесъ слѣдующую рѣчь.

Мм. Гг.

Значеніе великихъ ученыхъ оцѣнивается обыкновенно тѣми ихъ открытіями въ наукѣ, которыя составили счастливую эпоху въ ея развитіи, дали ей новое направленіе и обогатили ее новыми фактами. Таковы были Ньютонъ, Лейбницъ, Эйлеръ, Лавуазье и т. п., избравшіе ту или другую спеціальность для своихъ занятій. Но появленіе подобныхъ дѣятелей предполагаетъ извѣстную степень научнаго развитія въ народѣ; тамъ же, гдѣ науки вовсе нѣтъ, или гдѣ она только-что возникаетъ, могутъ являться не геніи спеціалисты, а геніи-образователи народа. Къ симъ послѣднимъ принадлежитъ безспорно и нашъ великій Ломоносовъ, явившійся въ то время, когда у насъ не было не только науки, своихъ ученыхъ и университетовъ, но и самаго литературнаго языка. Будучи по самому мѣсторожденію и по занятіямъ своего дѣтства наблюдателемъ природы, Ломоносовъ и впослѣдствіи изучалъ особенно природу и науки положительныя: математику, астрономію, физику, химію, горное дѣло и т. п. Для изученія положительныхъ наукъ онъ ѣдетъ изъ Москвы въ Кіевъ, и съ тою же цѣлью посылается потомъ академіею наукъ въ Марбургъ и Фрейбергъ. Но въ то же время вниманіе его обращено на многіе другіе предметы и даже на самую поэзію. Возвратившись въ Россію, Ломоносовъ равнымъ образомъ не останавливается на какомъ либо одномъ предметѣ; онъ печатаетъ переводъ Опытной Физики Вольфа, пишетъ грамматику и реторику, дѣлаетъ астрономическія наблюденія, занимается мозаикой, пишетъ оды на торжественные случаи, составляетъ проэктъ сѣверной экспедиціи, сочиняетъ теоріи электричества, воздушныхъ теченій и сѣверныхъ сіяній, производитъ химическія изслѣдованія, печатаетъ металлургію и пр. Такое разнообразіе знаній и занятій свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о геніальныхъ способностяхъ и о громадной любознательности Ломоносова, а съ другой, объясняется тѣмъ, что въ его время и въ западной Европѣ не было еще той спеціализаціи въ ученыхъ занятіяхъ, какая замѣчается теперь; что доказываетъ, между прочимъ, и заграничный учитель Ломоносова, знаменитый Вольфъ, читавшій въ Марбургскомъ университетѣ до 18 разныхъ предметовъ.

Но во всякомъ случаѣ, судя по преобладающей склонности и по самой программѣ студентскихъ занятій Ломоносова, можно было бы скорѣе всего ожидать, что ученая дѣятельность его проявитъ вліяніе свое главнымъ образомъ на реальное развитіе его соотечественниковъ. Между тѣмъ сила генія Ломоносова оставила по себѣ неизгладимые слѣды на совершенно другомъ поприщѣ: онъ образовалъ русскій литературный языкъ, положилъ начало русской словесности и далъ поэзіи новую форму и звучный стихъ. Вліяніе его въ этомъ отношеніи было самое ощутительное и отразилось тотчасъ же и на его современникахъ, и на слѣдующихъ поколѣніяхъ, составивъ новую эпоху въ русскомъ языкѣ и словесности.

Впрочемъ, мы увѣрены, что Ломоносовъ принесъ бы и на поприщѣ наукъ положительныхъ не меньшую пользу для Россіи, если бы встрѣтилъ достаточно подготовленную для того почву и сочувствіе въ средѣ своихъ собратовъ по наукѣ. Хотя въ настоящее время едва ли собраны всѣ данныя для надлежащей оцѣнки чисто-ученыхъ заслугъ Ломоносова, но тѣмъ не менѣе и теперь извѣстны такіе факты, которые заставляютъ признать его замѣчательнымъ ученымъ своего времени. Не за русскія же оды и не за русскій складъ рѣчи Стокгольмская и Болон-

ская академіи избрали Ломоносова своимъ членомъ, и не безъ причины сказалъ знаменитый Эйлеръ: «что Ломоносовъ обладаетъ счастливымъ геніемъ открывать химическія и физическія явленія, и желательно, чтобъ всѣ другія академіи могли дѣлать такія же открытія, какія сдѣлалъ Ломоносовъ». Во всѣхъ сочиненіяхъ Ломоносова проявляется постоянно здравый и свѣтлый умъ естествоиспытателя. Онъ первый отстаивалъ у насъ свободу мысли, каралъ предразсудки. Онъ первый старался сдѣлать науку общимъ достояніемъ народа, утверждая, что для Россіи «надобенъ человѣкъ, который изобрѣтать умѣетъ, но еще болѣе надобенъ, кто учить умѣетъ». Наконецъ, онъ первый стремился создать русскую науку и русскихъ ученыхъ, выразивъ мысль: «чтобъ академія не только сама себя учеными людьми могла довольствовать, но размножать и распространять оныхъ по всему государству». Не отвергая пользу изученія науки за границею, Ломоносовъ совѣтуетъ посылать молодыхъ людей въ иностранные университеты, но требуетъ, чтобы академія пополнялась мало по малу русскими учеными, которые бы разработывали науку въ ближайшемъ соотношеніи къ Россіи.

Явившись первымъ великимъ дѣятелемъ послѣ Великаго Петра, онъ хотѣлъ какъ бы пополнить то, чего не успѣлъ сдѣлать Петръ, который, имѣя въ виду главную цѣль образованія своего народа, вносилъ въ него прямо элементы чужеземные, часто вовсе несвойственные его духу и природѣ. Ломоносовъ желалъ создать это развитіе на собственной почвѣ, перенося на нее только одни сѣмена, а не самыя растенія, которыя оставались всегда чуждыми климату Россіи и не приносили ей желаемыхъ плодовъ. Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ создать русскую науку, которая передавалась бы народу роднымъ и живымъ языкомъ, но, по вліянію чуждыхъ для насъ элементовъ, въ томъ не успѣлъ; и только спустя почти сто лѣтъ послѣ Ломоносова, взялись снова за ту же мысль. Много потеряно, вслѣдствіе того, дорогаго времени; много погибло, быть можетъ, такихъ же мощныхъ силъ, какъ сила Ломоносова. Но намъ осталось, м.м. гг., въ этомъ случаѣ одно весьма важное утѣшеніе: мы живемъ въ то время, когда примѣръ Ломоносова можетъ свободно вызывать подобныхъ ему дѣятелей: мы живемъ въ царствованіе великодушнаго Александра II, который 20 милліонамъ ближайшихъ братьевъ Ломоносова далъ полную возможность сравняться съ ихъ славнымъ и геніальнымъ представителемъ.

За рѣчью А. Н. Ходнева слѣдовало чтеніе слѣдующаго стихотворенія *Я. П. Полонскаго*:

Среди машинъ, ретортъ, моделей, кораблей,
У пыльнаго станка съ начатой мозаикой,
Предъ грудою бумагъ, проэктовъ, чертежей,
Сидѣлъ онъ, бѣглый сынъ поморскихъ рыбарей,
Слуга имперіи, и въ ней, борецъ великій
За просвѣщеніе страны ему родной,
Борецъ — измученный безплодною борьбой
Съ толпою пришлецовъ, принесшихъ въ край нашъ тёмный
Корысть иль спѣсь учёности наемной.

Больной, не могъ онъ спать — сидѣлъ, облокотясь,
Близь недоконченной работы,
И упывающимъ его на этотъ разъ
Застала ночь — куранты били часъ —

Огарокъ догорѣлъ — лампада у кіоты
Одна по вѣнчикамъ иконъ дробила свѣтъ
И озаряла темный кабинетъ.

Ни милой дочери вечернія заботы,
Ни предстоящій трудъ, ни отдалённый бой
Куракинтовъ, не могли души его больной
Отвлечь отъ тысячи печальныхъ размышленій:
Знать въ этотъ часъ, унылый и глухой,
Страданьями съ судьбой расплачивался геній.

Не даромъ головой онъ на руки поникъ,
И тихо вздрагивалъ, безпомощный старикъ:
Въ какомъ-то безпорядкѣ смятомъ
Лежалъ камзолъ его въ углу на грудѣ книгъ,
И брошенъ былъ на стулъ, знакомый меценатамъ,
Парадный пудреный парикъ.

— Эхъ, Ломоносовъ, бѣдный Михаилъ
Васильичъ! Самъ съ собой онъ съ грустью говорилъ:
Ты родины своей ничѣмъ не могъ прославить,
И вотъ за то, что ты не любишь уступать,
За то, что ты привыкъ все только съ бою брать,
Отъ академіи хотятъ тебя отставить....
Пора тебѣ молчать, глупѣть и умирать!

Такъ онъ хандрилъ — и вотъ, отъ тёмнаго начала
До тёмнаго конца вся жизнь предъ нимъ предстала:
Удача странная, капризная судьба
И съ неудачами тяжелая борьба.
И думалъ онъ, — ни шумныхъ бурь порывы,
Ни холодъ бурныхъ волнъ, ни эти массы льдовъ,
Плывущихъ, сквозь туманъ, загородить проливы
И не пускать домой, насъ бѣдныхъ рыбаковъ,
Ни даль безвѣстная, ни старовѣровъ толки,
Ни брань, ни страхъ, ни что осилить не могло
Того, что съ юныхъ лѣтъ меня сюда влекло.

Бывало, помню — воютъ волки,
Преслѣдуя въ лѣсу блуждающій обозъ,
Ночь — боръ кругомъ, лице деретъ морозъ,
А мы лежимъ себѣ на дровняхъ подъ рогожей,
Пусть воютъ! думаемъ, отдавшись волѣ Божьей,
Да задаемъ себѣ мучительный вопросъ:
Мужикъ, ты можешь-ли извѣдать всѣ науки,
Зачѣмъ тебѣ Богъ далъ и разумъ, и языкъ?
И если неучь ты, умнѣй-ли будутъ внуки!?
И вотъ рѣшился ты бѣжать,
И не простясь ни съ кѣмъ, пошелъ Москвы искать.
И прибылъ ты въ Москву; — на молодыя страсти,
На злые помыслы желѣзную узду

Библіотека

Ты наложилъ, переносилъ нужду,
Терпѣлъ великія обиды и напасти,
И чуть не въ рубищѣ скитался безъ сапогъ,
Зубрилъ и голодалъ — всё вынесъ, Богъ помогъ:
Черезъ Германію и оды, по немногу
Съ латинскимъ языкомъ ты вышелъ на дорогу.

Теперь-то, думалъ я, мы школы заведемъ,
О просвѣщеньи похлопочемъ,
Способныхъ къ грамотѣ россійской пріурочимъ
Способнѣйшихъ въ народъ пошлёмъ,
Расколъ наукою на правду наведемъ,
Неволѣ — волю напророчимъ.

Не даромъ я писалъ, вникая въ сотни книгъ,
Не даромъ похвалы мой стихъ какъ бисеръ нижетъ
И чтожъ увидѣлъ я, межъ козней и интригъ?
Увидѣлъ, что мой умъ ни чьи умы не движетъ.
Такъ валъ безъ колеса и даже безъ зубцовъ,
Ворочаясь, другихъ не двигаетъ воловъ.

Кричатъ, я выродокъ славянскій! Нѣтъ, бывало
По деревнямъ встрѣчалъ не мало я головъ,
И Ломоносовыхъ явилось бы не мало,
Но къ свѣту нѣтъ пути и свѣтъ ихъ не влечетъ.
. . . . . .
На то ли грозный Петръ державною сохой
Россію бороздилъ и всюду вѣхи ставилъ,
Чтобъ русскій святель тѣ борозды оставилъ,
И не задумался надъ нивою родной?
Стою, какъ пахарь, я надъ нивой, гдѣ я сѣялъ,
И вижу, жатвы нѣтъ, всё вражій духъ развѣялъ,
И, какъ работникъ, я не нуженъ никому.
Такъ долго онъ хандрилъ и всё сидѣлъ, казалось,
Онъ спалъ, склонясь къ рукѣ, или ему дремалось,
Но мысль: «не нуженъ я», «не годенъ ни къ чему»,
«Не нуженъ никому» въ него стрѣлой вонзилась
И безпрестанно шевелилась.
Она въ мозгу — противная уму,
Росла, росла и въ грезы превратилась
И облеклась въ видѣнья: то ему
Казалось, рушится громада, повалилось
Все, что Петромъ сколочено, и онъ,
Какъ тѣнь, надъ этими развалинами бродитъ,
Ни жизни, ни могилъ знакомыхъ не находитъ,
Не можетъ самъ найдти, гдѣ былъ похоронёнъ
Рабъ Божій Михаилъ — пѣнта Ломоносовъ.
. . . . . .
То грезилось ему, пришелъ онъ на совѣтъ
И засѣдаетъ съ мертвецами,
И громко говоритъ, и споритъ съ нимъ скелетъ
Съ напудренной косой, въ кафтанѣ съ галунами,

И говоритъ ему: «молчи, молчи, народа пѣтъ!
Одинъ ты выродокъ живой достоинъ съ нами
Быть въ академіи — доволенъ будь, молчи!
О средствахъ, о женѣ, о чинѣ хлопочи —
Но вѣдай, университета
Не будетъ въ Питерѣ до преставленья свѣта».
Такъ слышалось ему — такъ мрачно грезилъ онъ,
Такъ страшно въ эту ночь, борясь съ толпой видѣній,
Страданьями съ судьбой расплачивался геній.

Но муза сжалилась, — богиня, Геликонъ
Покинувъ, для него сошла въ нашъ край суровый,
Съ поникшаго чела сняла вѣнецъ лавровый
И подошла къ нему... И погрузился онъ
Въ пророческій, глубоко ясный сонъ —

И вотъ ему, шумя, сверкая и пестрѣя,
Приснился этотъ залъ, и праздникъ юбилея.
Горятъ огни — во время торжества
Играетъ музыка, и раздается пѣнье,
И посреди инаго поколѣнья
Въ рѣчахъ шумитъ о нёмъ столѣтняя молва,
И русскій стихъ, набравшись русской силы,
О имени его звонитъ среди гостей,
Тѣнь Ломоносова зовутъ изъ-за могилы,
Хотятъ вѣнчать её, сказать «спасибо» ей,
За трудный подвигъ начинанья,
За первый русскій стихъ, ласкавшій русскій слухъ,
За честную борьбу, за вѣру въ русскій духъ,
За первый лучь народнаго сознанья,
Хотятъ сказать ему, и самъ онъ увидалъ,
Что лавръ, его рукой посаженный межъ терній,
Возросъ — и бюстъ его прикрылъ и увѣнчалъ.
И сонъ изчезъ... но улыбнулся геній
Такой улыбкою, какъ будто бы она
Чрезъ цѣлый рядъ годовъ и поколѣній
Къ намъ изъ прошедшаго была обращена
Въ нѣмую будущность....
Не будемъ нѣмы, примемъ
Его привѣтъ загробный — и поднимемъ
Во славу Разума торжественный бокалъ,
Съ прошедшимъ сочетавъ грядущій идеалъ.

Послѣ г. Полонскаго Д. В. Полѣновъ прочелъ слѣдующую рѣчь академика Императорской академіи наукъ *И. И. Срезневскаго*:

Съ перваго появленія Ломоносовъ сталъ удивлять своею необыкновенною даровитостью. Разнообразные знанія и труды поставили его потомъ въ рядъ замѣчательныхъ дѣятелей науки. Его искуство овладѣвать посредствомъ слова чувствами и думами людей дали ему славу великаго писателя. Уваженный за все это при жизни, былъ онъ чтимъ и послѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Его произведенія были перечитываемы, выучиваемы наизустъ.

Въ послѣдніе годы менѣе стали его читать, менѣе о немъ думать. Казалось уже, что время его живаго дѣйствія прошло, что, занявъ свое мѣсто въ лѣтописяхъ русской литературы и

науки, какъ одинъ изъ великихъ дѣятелей прошлаго времени, будетъ онъ памятенъ только въ числѣ отжившихъ.

И вотъ его образъ, его дѣла, его слово и душа опять передъ нами. Опять передъ нами, и въ новомъ свѣтѣ. Для насъ онъ не просто геніальный человѣкъ, ученый, писатель; для насъ онъ гражданинъ, подвижникъ, совѣтникъ народа. Не будетъ онъ восторгать своими одами и рѣчами, не будетъ объяснять истинъ науки своими изслѣдованіями, своей физикой, металлургіей, грамматикой, риторикой, исторіей; а будетъ учить, какъ жить, думать, чувствовать.

Жизнь его будетъ намъ указывать какъ намъ жить, чтобъ не напрасно называться русскими.

Трудъ постоянный, вызываемый мыслью и на нее наводящій, трудъ и для отдыха, и постоянная забота о томъ, что нужно намъ русскимъ: вотъ въ чемъ прошла вся жизнь его. Путеводныя правила такой жизни просты:

Трудись настойчиво, отчетливо, честно—чтобы послужить отечеству по силамъ.

Люби отечество, живи для него.

Любя его, люби науку. Она намъ необходима — строгая въ изслѣдованіяхъ, отвѣтственная передъ цѣлымъ свѣтомъ, но родная по направленію, родная по языку. Она должна быть основой и судіей всѣхъ нашихъ успѣховъ, душой порядка, вожатаемъ промышленности, свѣтомъ, для всѣхъ одинаково открытымъ, хранимымъ всѣми, Царемъ и народомъ, отъ враговъ явныхъ и тайныхъ, отъ невѣжества и безпечности, чванства, своекорыстія, суемудрія и суесловія.

Люби науку не въ себѣ одномъ, а во всѣхъ ей преданныхъ, вездѣ и во всемъ, и тепли любовь эту въ юношахъ.

Такимъ правиламъ подчинялъ себя Ломоносовъ, когда кругомъ его, даже въ защитникахъ науки, было такъ мало уваженія къ ней, что онъ и съ ними долженъ былъ бороться. И онъ боролся.

«Я спрашивалъ, говоритъ онъ, и испыталъ свою совѣсть. Она мнѣ ни въ чемъ не зазритъ сказать. Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ, да боюсь наказанія отъ правосудія и Всемогущаго Промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилежанія въ ученіи и нынѣ дозволилъ случай, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего въ жизни дороже.

«Я къ сему себя посвятилъ, чтобы до гроба моего съ непріятелями наукъ россійскихъ бороться... Стоялъ за нихъ съ молода, на старости не покину.

«За утвержденіе наукъ въ отечествѣ и противъ отца своего роднаго возстать за грѣхъ не ставлю.»

Такъ говорилъ онъ, такъ и дѣйствовалъ.

Не то теперь время, что было за сто лѣтъ. Надобно и теперь бороться противъ враговъ науки, особенно противъ тайныхъ; но уже можно надѣяться на сочувствіе къ ней и тамъ, гдѣ прежде глядѣли на нее какъ на рабу послужницу и потѣшницу.

Священною памятью Ломоносова вызываемъ сочувствіе къ наукѣ нераздѣльно съ доблестью гражданской!

Славной памяти Ломоносова!

Прочтя эту рѣчь, Д. В. Полѣновъ провозгласилъ тостъ «*за процвѣтаніе въ Россіи наукъ и литературы*». Громкое ура было отвѣтомъ на этотъ тостъ и за тѣмъ было исполнено гг. Петровымъ, Никольскимъ и Васильевымъ тріо съ хоромъ русской оперы соч. Львова:

Что ни ласточка, ни касаточка
Вкругъ тепла гнѣзда увивается.

Послѣ этого Я. П. Полонскій прочелъ слѣдующее стихотвореніе *Ѳ. И. Тютчева:*

Онъ умирая сомнѣвался,
Зловѣщей думою томимъ —
Но Богъ не даромъ въ немъ сказался,
Богъ вѣренъ избраннымъ своимъ...
Сто лѣтъ прошли въ нуждѣ и горѣ,
И вотъ, мужая съ каждымъ днемъ,
Родная рѣчь, ужь на просторѣ,
Помышки празднуетъ по немъ;
О, велико его значенье!
Онъ, вѣрный русскому уму,
Завоевалъ намъ просвѣщенье,
Но насъ поработилъ ему...
Онъ, какъ борецъ ветхозавѣтный,
За насъ боровшійся всю ночь
И до звѣзды передразсвѣтной
Себя недавшій превозмочь.

Затѣмъ *В. И. Ламанскій* прочелъ слѣдующую рѣчь:

Праздникъ нашъ—торжество русской мысли, русскаго слова, начинающихъ все яснѣе сознавать свои великія задачи и призваніе. Радуясь начаткамъ свободы, не забудемъ, что много нужно любви и «упрямки» для самобытнаго служенія истинѣ. Твердая вѣра въ силы русскаго народа, въ наше просвѣтительное начало не помѣшаетъ намъ скромно, добросовѣстно признавать заслуги и подвиги нашихъ старшихъ братьевъ романо-германцевъ, давно украсившихъ свои родины дивами наукъ и искусствъ, въ наши дни празднующихъ не столѣтніе, а 300—500-лѣтніе юбилеи отцамъ своихъ литературъ.

Но глубокое уваженіе къ большимъ братьямъ и учителямъ и надежды на свѣтлое будущее да не ввушаютъ намъ и пренебреженія къ своему прошлому. Будемъ всегда съ почтеніемъ вспоминать поборниковъ русской самобытности. Не мало невзгодъ грозило первымъ всходамъ русской мысли. Что вытерпѣлъ ея первоподвижникъ, можемъ судить уже потому, что и въ наше время, въ странахъ самыхъ просвѣщенныхъ, гдѣ общество выработало крѣпкія охраны свободѣ мысли и слова, великіе умы принуждены бороться съ тупостью и завистью, съ невѣжествомъ и ревностью не по разуму.

Что Ломоносова не сломили его недоброхоты, гонители и непріятели наукъ, Россія преимущество обязана его меценатамъ.

Гордое чванство, спѣсь и себялюбіе и у насъ и на западѣ часто любили рядиться въ это званіе. Но смѣлый, прямой, независимый нравъ Ломоносова не допускалъ униженныхъ ласкательствъ, которыми пріобрѣтаются такіе меценаты.

Строгій къ себѣ, во взглядахъ на службу наукѣ и отечеству, Ломоносовъ былъ строгъ и въ отношеніи къ своимъ покровителямъ.

Прося Орлова о ходатайствѣ у Императрицы объ открытіи петербургскаго университета, Ломоносовъ писалъ: «Нынѣ время златой знатнымъ наукамъ вѣкъ возставить и отъ презрѣнія (въ которое я было самъ первый попалъ) избавить возлюбленный россійскій родъ. Не укоспи, милостивый государь, въ отчаяніи и дряхлости сѣтующее, учащееся здѣсь юношество оживить

отрадою и показать, что ваше превосходительство Богъ возвысилъ истиннымъ сыномъ отечества на защищеніе вѣрныхъ природныхъ подданныхъ Ея Величества».

Однажды, платя дань вѣку, образованный, благодушный Шуваловъ позволилъ себѣ въ своемъ домѣ неумѣстныя шутки надъ Ломоносовымъ, надъ его недружбою къ Сумарокову. Прійдя домой, Ломоносовъ написалъ Шувалову:

«Ваше высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству, можете лучшія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ. Зла ему не желаю, Мстить за обиды и не думаю. Но съ такимъ человѣкомъ обхожденія имѣть не могу и не хочу, который всѣ прочія знанія позоритъ, которыхъ и духу не смыслитъ. И сіе есть истинное мое мнѣніе, кое безъ всякія страсти нынѣ вамъ представляю, не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, ниже у самого Господа Бога, Который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ.. Если вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россіи, ежели мое къ вамъ усердіе не исчезло въ памяти, постарайтесь о скорѣйшемъ исполненіи моихъ справедливыхъ для пользы отечества прошеній, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мелочномъ дѣлѣ, позабудьте.»

Намъ дорого вспоминать, что сильные вельможи Елисаветы и Екатерины, покровители Ломоносова, были вѣрны его строгимъ требованіямъ, своею русскою душою постигали его значеніе для Россіи, за честь почитали называться его друзьями, свято хранили его память. Они горячо вступались за Ломоносова, защищая его отъ клеветъ и навѣтовъ зависти и невѣжества, не разъ пытавшихся очернить Ломоносова, заподозрить русскую мысль передъ державною властью. Слава графу Михаилу Иларіоновичу Воронцову, Ивану Ивановичу Шувалову и Григорію Григорьевичу Орлову, защитникамъ и оберегателямъ русской мысли въ лицѣ Ломоносова!

Слава Царицамъ Елисаветѣ и Екатеринѣ, невнимавшимъ коварнымъ происканъ злыхъ недоброхотовъ россійскихъ и имѣвшимъ у престола совѣтниковъ, вѣрныхъ русскимъ началамъ!

Славя защитниковъ Ломоносова, почтимъ и его Запконоспасскихъ наставниковъ и германскаго учителя Вольфа, котораго Ломоносовъ до конца дней называлъ своимъ благодѣтелемъ.

Воздадимъ честь великому мужу науки, Леонару Эйлеру, первому изъ европейцевъ, признавшему геніальность и ученыя заслуги Ломоносова.

Добромъ помянемъ его друзей, русскихъ академиковъ и учениковъ. Они утѣшали Ломоносова въ печаляхъ, усердно возращали его насажденія.

Честь и добрая память друзьямъ Ломоносова, благороднымъ нѣмцамъ, академикамъ Рихману и Брауну! Нѣжная къ нимъ привязанность Ломоносова всего лучше доказываетъ, что русская мысль чужда узкой національной исключительности, что подъ русскимъ народнымъ знаменемъ возможна согласная умственная дѣятельность разныхъ народностей. Наша признательная память объ этихъ нѣмцахъ-академикахъ служитъ порукою, что глубокая благодарность Россіи ожидаетъ всѣхъ иностранцевъ, безкорыстно трудящихся въ пользу ея просвѣщенія.

Слава защитникамъ и друзьямъ русской мысли, русскаго слова! Слава защитникамъ и друзьямъ Ломоносова!

По окончаніи рѣчи г. Ламанскій провозгласилъ тостъ: *въ память покровителей и друзей Ломоносова*, принятый съ живымъ сочувствіемъ. Послѣ того И. А. Гончаровъ прочелъ стихотвореніе *М. П. Розенгейма:*

Когда въ благомъ своемъ стремленьи
Поднять высоко свой народъ,
Разлить въ немъ разомъ просвѣщенье
И сразу выдвинуть впередъ;

Когда во всемъ нетерпѣливый,
Пытаясь Русь пересоздать,
Великій Петръ нашъ торопливо
Спѣшилъ все старое ломать:
Обычай, духъ, родное слово,
Все, въ чемъ залогъ народныхъ силъ,
Онъ безпощадно и сурово
Реформѣ въ жертву приносилъ,
И чтобъ помочь родному худу,
Чтобы разсѣять нашу тьму,
Чужихъ людей онъ звалъ отвсюду
И насъ учить велѣлъ всему.
Тогда сошлись они толпою
И порѣшили въ добрый часъ:
Быть вѣчно нашей головою...
И благо стало имъ у насъ!
Петръ умеръ. Чуждое вліянье
Еще сильнѣе возросло,
Хитро отъ насъ таило знанье
И такъ дѣла свои вело,
Чтобъ нѣмецъ, мудрости хранитель,
Былъ и почетенъ и великъ,
Чтобъ онъ остался вѣкъ учитель,
А русскій вѣчно ученикъ,
Оно врывалось всюду глухо,
И всюду празднуя успѣхъ,
Грозило Руси рабствомъ духа —
Горчайшимъ рабствомъ изо всѣхъ.
И такъ все шло... Екатерины
Еще далекъ былъ свѣтлый вѣкъ...
Тогда изъ самой сердцевины
Народной вышелъ человѣкъ...
Онъ былъ дитя страны холодной,
Приполюсныхъ печальныхъ мѣстъ;
Но въ немъ нашъ смыслъ, нашъ духъ народный
Свой мощный выразилъ протестъ.
Какъ Русь сама, широкъ былъ геній
И всеобъемлющъ умъ его,
И на листахъ его твореній
Не позабыто ничего.
Искусство, знанія, науку,
Все то, что нѣмецъ выписной
Казалъ намъ издали какъ штуку,
Онъ подарилъ странѣ родной;
Онъ эти нѣжныя растенья
На русскій грунтъ пересадилъ,
Спасъ нашъ языкъ отъ искаженья
И въ чистотѣ намъ сохранилъ...
Поэтъ, ученый и философъ,
И другъ народа весь свой вѣкъ...
Таковъ былъ славный Ломоносовъ,
Великій русскій человѣкъ!

За нимъ, дорогой имъ пробитой,
Сознанье русское пошло,
И съ той поры лишь бой открытый
Съ чужимъ вліяньемъ повело;
Языкъ нашъ, звучный и богатый,
Народа сильнаго глаголъ,
Одинъ для каѳедры и хаты,
Окрѣпъ, украсился, разцвѣлъ.
И ужь давно пора старинный
Обычай бросить цѣликомъ,
И въ академіи, въ гостиной
Заговорить уже на немъ...
Да, дни теперь совсѣмъ иные,
И время, кажется, понять,
Что нѣтъ въ Россіи не Россіи,
И что пора про это знать...

Стихотвореніе г. Розенгейма произвело на бывшихъ въ залѣ сильное впечатлѣніе и по общему желанію было повторено. Прочтя эти стихи, П. А. Гончаровъ провозгласилъ дорогой для всякаго русскаго тостъ: «*за благоденствіе Русской земли*». Громкіе клики сопровождали этотъ тостъ и по общему востребованію двумя оркестрами и хоромъ русской оперы исполненъ былъ народный гимнъ «*Боже, Царя храни!*» Онъ былъ повторенъ нѣсколько разъ, по желанію публики.

За тѣмъ, по общему востребованію *В. Н. Карамзинъ* прочелъ четыре строфы изъ VIII оды Ломоносова, а потомъ на возвышеніе Императорской ложи взошелъ князь Щербатовъ и прочелъ слѣдующія депеши, присланныя изъ разныхъ мѣстъ къ празднеству Ломоносовскаго юбилея. Вотъ онѣ:

1) Изъ Риги.

Русская семья въ Ригѣ, собравшаяся отдать должную дань памяти безсмертнаго Ломоносова, привѣтствуя васъ, участвующихъ на праздникѣ въ честь Ломоносова въ Петербургѣ, извѣщаетъ, что торжество этого дня увѣнчалось открытіемъ подписки на учрежденіе Русской женской Ломоносовской гимназіи въ Ригѣ.

Графъ *П. А. Шуваловъ.*

2) Изъ Вильно.

Учебный округъ, виленская дирекція, гимназіи, народныя и еврейскія училища выражаютъ сочувствіе празднеству Ломоносова.

Окружной инспекторъ *Кулинъ.*

3) Изъ Кіева.

Празднику въ память славнаго Ломоносова университетъ св. Владиміра выражаетъ свое полное сочувствіе.

За ректора *Митюковъ.*

4) Изъ Вятки.

Вятчане, торжествуя память Ломоносова, просятъ присоединить ихъ привѣтъ къ русскому народному торжеству.

Губернаторъ *Струковъ.*

5) Изъ Дерпта.

Какъ представитель русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ, приношу дань благодарной памяти безсмертному преобразователю нашего слова, подавшему мысль образовать университетъ московскій, первому великому посреднику между нашимъ народнымъ духомъ и наукой западной Европы, особенно Германіи.

Заслуженный профессоръ *Михаилъ Розбергъ.*

Послѣ обѣда доставлена была еще слѣдующая депеша изъ Дерпта, не поспѣвшая во время, по случаю неисправности аппарата.

«Православное духовенство и преподаватели русскаго языка въ старинномъ Юрьевѣ-Ливонскомъ, отслуживъ сегодня въ здѣшней Успенской церкви панихиду по Ломоносовѣ, съ глубокимъ сочувствіемъ къ знаменитому преобразователю нашего отечественнаго слова, основателю нашей науки, привѣтствуютъ помиальное о немъ торжество».

Протоіерей *Петръ Алексѣевъ.*

На эти депеши были отправлены слѣдующіе отвѣты:

1. Въ Ригу генералъ-губернатору графу Шувалову

Русскіе люди, празднуя въ Петербургѣ юбилей Ломоносова, просятъ графа передать сердечный привѣтъ своимъ рижскимъ братьямъ, съ глубокимъ сочувствіемъ къ заявленному учрежденію Русской Ломоносовской женской гимназіи.

Отъ лица распорядителей *графъ Андрей Шуваловъ.*

2. Въ Вильно окружному инспектору Кулину

Русскіе люди, празднующіе въ Петербургѣ юбилей Ломоносова, посылаютъ сердечный привѣтъ своимъ Виленскимъ братьямъ и благодарятъ ихъ за сочувствіе.

Отъ лица распорядителей *Срезневскій.*

3. Въ Кіевъ ректору университета

Русскіе люди, празднующіе въ Петербургѣ юбилей Ломоносова, посылаютъ привѣтъ матери городовъ русскихъ и благодарятъ университетъ св. Владиміра за поздравленіе.

Отъ лица распорядителей *Майковъ.*

4. Въ Вятку губернатору Струкову

Торжество и привѣтъ Вятчанъ приняты русскими людьми, празднующими юбилей Ломоносова съ величайшимъ сочувствіемъ и благодарностью.

Отъ лица распорядителей *Меньковъ.*

5. Въ Дерптъ протоіерею Алексѣеву

Русскіе люди, празднуя въ Петербургѣ юбилей Ломоносова, благодарятъ православное духовенство и преподавателей русскаго языка въ старинномъ русскомъ городѣ Юрьевѣ Ливонскомъ за привѣтствіе и шлютъ братскій привѣтъ всѣмъ русскимъ, обитающимъ въ Ливоніи. Во имя православнаго русскаго человѣка Ломоносова привѣтствуемъ васъ, отцы и братія, нынѣ воспѣваемою пѣснью Православія: «*Да воскреснетъ Богъ и расточатся враги Его.*

Отъ лица распорядителей *Мельниковъ.*

Кромѣ того съ обѣда посланы были привѣтственныя депеши слѣдующаго содержанія:

1. Въ Холмогоры городскому головѣ

Русскіе люди, празднуя въ Петербургѣ юбилей Ломоносова, шлютъ свой сердечный привѣтъ родинѣ великаго русскаго человѣка.

Отъ лица распорядителей *графъ Ростовцовъ.*

2. Въ Москву ректору Университета

Русскіе люди, празднуя въ Петербургѣ юбилей Ломоносова, не могли забыть университета, по мысли его основаннаго и шлютъ университету свой сердечный привѣтъ къ приготовляющемуся въ немъ празднеству въ память нашего великаго учителя.

Отъ лица распорядителей *Срезневскій.*

3. Въ Сергіевскій Посадъ ректору Московской Духовной Академіи

Русскіе люди, празднуя въ Петербургѣ юбилей Ломоносова и памятуя заслуги Законоспасской Академіи, оказанныя Россіи первоначальнымъ образованіемъ нашего великаго учителя, шлютъ ей свой сердечный привѣтъ.

Отъ лица распорядителей *Мельниковъ.*

На телеграмму въ Московскій университетъ академикъ И. И. Срезневскій получилъ отвѣтную депешу отъ 12 апрѣля.

«Телеграмма русскихъ людей въ Петербургѣ прочтена вчера въ торжественномъ собраніи университета. Опредѣлено: благодарить

Ректоръ *Баршевъ.*

Распорядитель П. П. Мельниковъ получилъ отъ ректора Московской Духовной Академіи, протоіерея А. В. Горскаго, слѣдующее письмо отъ 13 апрѣля:

«Чрезъ васъ Московская Духовная Академія получила отъ учредителей юбилея въ честь Ломоносова привѣтствіе въ день его празднованія. Чрезъ васъ же она желала бы и засвидѣтельствовать имъ искреннюю благодарность за воспоминаніе о ней.

«И мы въ свое время почтили память бывшаго воспитанника Спасскихъ школъ молитвою предъ Господомъ о блаженномъ успокоеніи души его и скромнымъ воспоминаніемъ заслугъ его для отечества.

«Да даруетъ Господь Россіи счастіе чаще воспоминать явленіе людей, столько даровитыхъ и преданныхъ дѣлу отечественному, какъ нашъ холмогорецъ-академикъ! Да помогаютъ другъ другу церковь и наука въ общемъ развитіи духовныхъ силъ православнаго народа русскаго. Да будетъ всегда священна память великихъ дѣятелей для потомства, пользующагося ихъ трудами!»

Такимъ образомъ кончился обѣдъ въ память Ломоносова. Обѣдъ — по общему отзыву — еще безпримѣрный. Во время его такъ велико было общее одушевленіе, такъ глубоко выражалось благодарное уваженіе къ памяти безсмертнаго Ломоносова и такъ высоко поднято было русское народное знамя! Чувствовалось вѣяніе русской

жизни, присутствіе русской народной силы. Всякій съ законной гордостью могъ повторять въ это время начертанныя въ залѣ слова Ломоносова

... Можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать.

Обѣдъ кончился въ 10-мъ часу. По причинѣ столь поздняго времени не была прочтена, предназначенная для прочтенія во время обѣда, рѣчь маститаго нашего математика, академика *Д. А. Перевощикова.*

О достоинствѣ ученыхъ трудовъ Ломоносова недоброжелатели его спрашивали Эйлера, можетъ быть, съ неблаговидной задней мыслью, и получили отъ великаго геометра неожиданный отвѣтъ: «Ломоносовъ одаренъ завиднымъ геніемъ для рѣшенія химическихъ и физическихъ вопросовъ; желательно, чтобъ всѣ прочія академіи сдѣлали такія же открытія, какія сдѣлалъ Ломоносовъ.»

Чтожъ это за открытія? Трудно вполнѣ удовлетворить этому вопросу въ немногихъ словахъ и въ ограниченное время; надобно удовольствоваться поверхностнымъ очеркомъ важнѣйшихъ ученыхъ работъ Ломоносова.

Безъ опытовъ и наблюденій, химія и физика невозможны; для опытовъ и наблюденій необходимы снаряды и мѣсто для работъ. Ломоносовъ началъ хлопотать объ устройствѣ лабораторіи, и наконецъ, лѣтъ черезъ пять, явилась въ Россіи первая лабораторія, въ которой зародилась мозаика, и, между многими опытами, сожигались металлы въ сосудахъ, безъ воздуха и съ воздухомъ. Металлы, сгарая въ воздухѣ, увеличивались въ своемъ вѣсѣ. Никто изъ новѣйшихъ химиковъ не разсматривалъ лабораторныхъ журналовъ Ломоносова, и оттого неизвѣстно, обратилъ ли онъ свое проницательное вниманіе и открытіе, которое прославило потомъ имя Лавуазье.

Никто не будетъ спорить о пользѣ практическихъ и физическихъ опытовъ; но геній Ломоносова стремился къ открытію великихъ тайнъ природы, онъ совершенно понималъ, что свѣтъ, тепло и электричество являются въ ней всемогущими дѣятелями, и приступилъ къ ихъ изученію. Не имѣя свѣдѣній о наблюденіяхъ надъ воздушнымъ электричествомъ Франклина въ Америкѣ и Далибара во Франціи, онъ осмѣлился, посредствомъ шеста съ металлическимъ наконечникомъ и съ проводящею цѣпью, свести воздушное электричество на землю и подвергнуть его многочисленнымъ опытамъ и наблюденіямъ, объ одномъ изъ которыхъ нельзя не упомянуть. Когда несчастный его товарищъ, Рихманъ, производившій такія же наблюденія, сдѣлался жертвой своей неосторожности, Ломоносовъ, бывшій при своемъ снарядѣ, замѣтилъ, что въ немъ исчезли всѣ признаки электричества въ мгновеніе удара, поразившаго Рихмана.

Изучивъ явленія воздушнаго электричества, Ломоносовъ началъ думать объ его теоріи, въ которой прежде всего надобно было рѣшить вопросъ о происхожденіи грозовыхъ тучъ.

Въ его время знали только одинъ способъ возбужденія въ тѣлахъ электричества — треніе; но наблюденія надъ вѣтрами или надъ горизонтальными теченіями воздуха показали Ломоносову, что отъ взаимнаго тренія частицъ воздуха электричество не обнаруживается; вѣтры даже разгоняютъ тучи, — и Ломоносовъ обратился къ явленію, повидимому вовсе неимѣющему связи съ грозою и о которомъ не думалъ ни одинъ изъ современныхъ физиковъ: послѣ оттепелей, особенно послѣ ранняго весенняго тепла въ сѣверныхъ странахъ бываютъ грозы, а послѣ нихъ всегда такое охлажденіе атмосферы, что часто, на короткое время, возвращается

зима съ своимъ снѣгомъ. Откуда же этотъ холодъ? Оттуда, гдѣ онъ царствуетъ постоянно: изъ верхнихъ странъ нашей атмосферы. Объ этомъ царствѣ холода Ломоносовъ имѣлъ подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія; опираясь на нихъ, онъ доказалъ существованіе двухъ вертикальныхъ потоковъ воздуха: отъ земли — теплаго, отъ предѣловъ атмосферы — холоднаго. Первый потокъ влечетъ съ собой различныя земныя испаренія, которыхъ треніе съ воздухомъ потока нисходящаго становится источникомъ воздушнаго электричества, причиной образованія грозовыхъ тучъ.

Наука идетъ впередъ и пришла къ тому, что восходящія и нисходящія теченія воздуха не составляютъ существенной причины воздушнаго электричества; но та же наука утвердила ихъ существованіе и съ благодарностью приняла въ основаніе метеорологіи.

Подобныя свѣдѣнія о царствѣ холода въ верхнихъ странахъ атмосферы помогли Ломоносову вѣрно указать на причины, отъ которыхъ, во многихъ мѣстахъ земной поверхности, средняя температура гораздо ниже температуры, опредѣляемой географическимъ ихъ положеніемъ. Для открытія этихъ причинъ надобно было знать высоты мѣстъ надъ уровнемъ моря; за недостаткомъ въ то время нивелировокъ, Ломоносовъ остроумно воспользовался направленіемъ рѣкъ и рѣчекъ.

Открывъ одну изъ причинъ образованія грозы, Ломоносовъ вполнѣ объяснилъ несчастную смерть Рихмана изъ упомянутаго своего наблюденія, и объясненіе его вошло въ науку подъ именемъ извращеннаго удара (choc en retour).

Ломоносовъ началъ жить въ странѣ сѣверныхъ сіяній, которыя, разумѣется, произвели въ немъ глубокое впечатлѣніе и не выходили изъ его мыслей; наконецъ, онъ достигъ своей цѣли: онъ показалъ ихъ связь съ воздушнымъ электричествомъ, и усовершенствованная наука подтвердила эту связь съ электричествомъ, являющимся въ видѣ земной магнитности.

Знаменитый Араго удивлялся огненнымъ клубамъ, являющимся во время грозы, и считалъ ихъ загадочнымъ электрическимъ явленіемъ. Ломоносовъ былъ смѣлѣе Араго, и едва ли не справедливо отрицалъ ихъ прямое происхожденіе отъ электричества.

Въ явленіяхъ грозы блещетъ ослѣпляющій свѣтъ молніи, въ сѣверныхъ сіяніяхъ являются разноцвѣтные столбы; во многихъ случаяхъ тепло сопровождается свѣтомъ и свѣтъ тепломъ, иногда же свѣтъ бываетъ безъ тепла и тепло безъ свѣта. Какъ найти путеводную нить въ этомъ лабиринтѣ? Ломоносовъ нашелъ ее, начавъ съ убѣдительнаго опроверженія такъ называемой гипотезы истеченія свѣта; почти тѣ же самыя опроверженія повторилъ Араго въ своемъ изложеніи ученія Френеля. Но опровергаемую гипотезу надобно замѣнять новой, болѣе удовлетворяющей опытамъ и наблюденіямъ: Ломоносовъ, со всей очевидностью, по состоянію науки въ то время, доказалъ основательность гипотезы волнообразнаго сотрясенія эѳира, принадлежащей Гюйгенсу, и посредствомъ придуманнаго имъ механизма во всей природѣ, названнаго имъ совмѣщеніемъ частицъ вещества, сходнаго съ дѣйствіемъ зубчатыхъ колесъ въ машинахъ, онъ приложилъ гипотезуГюйгенса къ объясненію тепла, холода и цвѣтовъ, видимыхъ на всѣхъ тѣлахъ.

Гипотеза волнообразнаго движенія эѳира превратилась нынѣ въ неопровержимую теорію; Румфордъ послѣдовалъ Ломоносову въ уничтоженіи теплотвора; Тиндаль первый услыхалъ звукъ отъ нагрѣтыхъ тѣлъ, и наконецъ — Брюстеръ возобновилъ мнѣніе Ломоносова о существованіи только трехъ, а не семи первоначальныхъ цвѣтовъ.

Изъ Марбурга въ Россію привезъ Ломоносовъ знанія металлургическія, собственныя наблюденія надъ слоями земли и убѣжденіе въ существованіи внутренняго ея тепла. Изъ металлур-

гическихъ знаній составилъ Ломоносовъ классическое «Руководство къ металлургіи». Наблюденія надъ слоями земли привели его къ заключеніямъ о происхожденіи мѣсторожденій металловъ отъ землетрясеній и къ вѣрнымъ доказательствамъ существованія въ Россіи драгоцѣнныхъ металловъ и золотосодержащихъ розсыпей. Съ увѣренностью въ подземномъ теплѣ, Ломоносовъ поднялъ земную кору изъ первобытнаго океана, и всѣ твердыя части нашего жилища, въ глазахъ Ломоносова, превратились въ огромныя горы, на вершинахъ которыхъ расположились возвышенности, называемыя хребтами горъ. Съ какимъ восторгомъ приняли французы совершенно то же ученіе де-Бомона, основанное на тѣхъ же геогностическихъ знаніяхъ, которыми руководствовался Ломоносовъ въ своей великой геологической теоріи! Усердно сочувствовали русскіе ученые французскому восторгу, даже не подозрѣвая, что то же самое ученіе давно уже лежитъ предъ ихъ глазами, и что на долю французскаго геолога остаются подробности, развитыя вслѣдствіе приращенія геогностическихъ знаній впродолженіе шестидесяти лѣтъ послѣ сына русскаго рыбака.

Вотъ важнѣйшія открытія Ломоносова; прибавимъ къ нимъ, что, наблюдая Венеру въ ея прохожденіи черезъ солнце въ 1761 г., Ломоносовъ доказалъ существованіе атмосферы около этой планеты. Остановимся, чтобъ приличный мѣсту обзоръ трудовъ Ломоносова не превратился въ обременительную лекцію, и поспѣшимъ заключить нашу рѣчь благодарнымъ воспоминаніемъ о его покровителяхъ, не забывъ и новгородскаго митрополита Ѳеофана Прокоповича, который спасъ русскаго генія отъ конечной гибели, помѣстивъ бѣглеца изъ отеческаго дома въ московскую заиконоспасскую школу, не смотря, повидимому на непреодолимыя тому препятствія . . .

IV.

Апрѣля 9 было послѣднимъ днемъ празднества въ память Ломоносова. Въ этотъ день придворными артистами Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ исполненъ былъ спектаклъ по программѣ, составленной членами четвертой коммисіи. Театръ былъ полонъ сверху до низу *): всѣ бывшіе на обѣдѣ 7 апрѣля были и въ спектаклѣ.

Дана была пятиактная драматическая повѣсть Н. Полеваго «*Ломоносовъ*», въ которой представлена вся жизнь нашего великаго дѣятеля. Послѣ нея открылся занавѣсъ и на сценѣ явились хористы русской оперы въ праздничныхъ русскихъ одеждахъ. Г. Петровъ съ хоромъ пропѣлъ куплеты.

По окончаніи куплетовъ, при звукахъ подблюднаго величанья *Слава на небѣ*, раскрылся задній занавѣсъ и тамъ явилась живая картина во всю сцену. На возвышеніи стоялъ бюстъ Ломоносова, вся сцена была занята музами и аллегорическими лицами, изображавшими науки, которыми занимался Ломоносовъ. Россія **), при

*) Не заняты были только одна ложа 1 яруса, двѣ бель-этажа, одна литерная 3 яруса и одна литерная 4 яруса. Цѣны назначены были на 50 % выше цѣнъ за мѣста во время оперныхъ представленій.

**) Исполнила г-жа Рубцова.

звукахъ *Слава!* торжественно подошла къ бюсту и увѣнчала его лавровымъ вѣнкомъ при громкихъ кликахъ публики. — Этотъ антрактъ былъ повторенъ по требованію зрителей.

За тѣмъ превосходно былъ исполненъ эпилогъ оперы *Жизнь за Царя*. Г-жа Шредеръ въ роли Вани никогда не была такъ хороша, какъ въ этотъ вечеръ.

Спектакль далъ сбору 2,396 р. 25 к.

Такъ въ С.-Петербургѣ отпразднованъ былъ столѣтній юбилей Ломоносова. Дай Богъ побольше такихъ праздниковъ: они возвышаютъ въ насъ народное чувство, они укрѣпляютъ въ насъ вѣру въ самихъ себя. Чествованіе памяти Ломоносова, положившаго начало самостоятельности русской науки, было дѣломъ истинно народнымъ.

Въ заключеніе священнымъ долгомъ поставляемъ упомянуть о Высочайшемъ вниманіи, которое изволилъ оказать Государь Императоръ празднованію столѣтняго юбилея Ломоносова. Его Величество изволилъ повелѣть министру Императорскаго Двора всѣ издержки по устройству Ломоносовскаго спектакля въ Маріинскомъ театрѣ принять на счетъ дирекціи, а весь сборъ передать распорядителямъ юбилея на учрежденіе Ломоносовскихъ стипендій.

Въ самый день поминовенія Ломоносова, *шестаго апрѣля*, Державный Покровитель наукъ и литературы подписалъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, имѣющій прямою цѣлью: «*дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства*».

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ОПИСАНІЮ ПРАЗДНЕСТВА

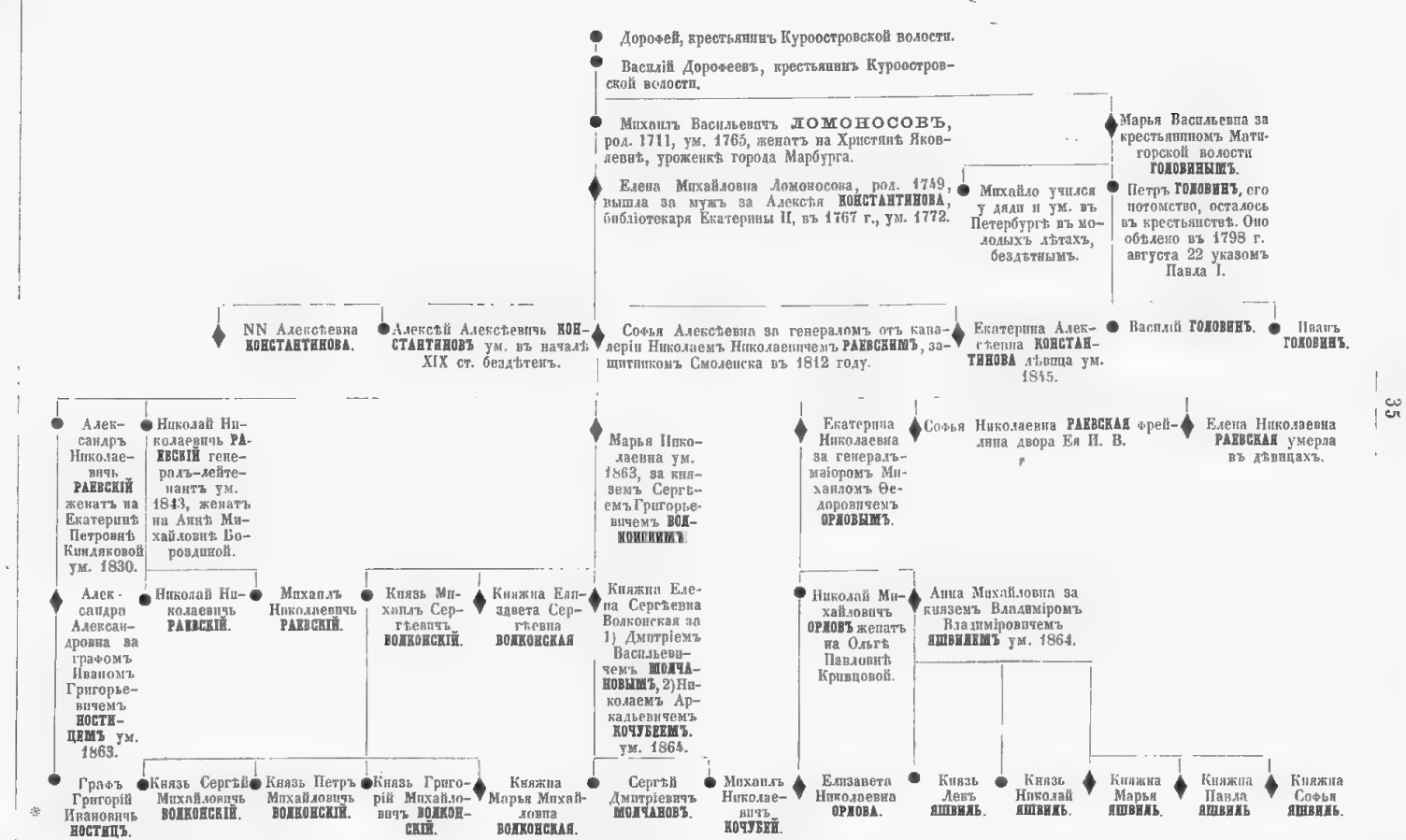
СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ

ЛОМОНОСОВА.

СПИСОКЪ ПРИЛОЖЕНІЙ.

1. Портретъ Ломоносова, снятый съ бюста, находящагося въ Академіи Наукъ.
2. Родословная Ломоносова.
3. Снимокъ съ рукописи Ломоносова.
4. Видъ надгробнаго памятника Ломоносова на Лазаревскомъ кладбищѣ Александроневской Лавры.
5. Надписи на надгробномъ памятникѣ Ломоносова.
6. Видъ памятника Ломоносову, въ Архангельскѣ.
7. Списокъ распорядителей Ломоносовскаго юбилея.
8. Списокъ лицъ, приглашенныхъ въ качествѣ почетныхъ гостей, на обѣдъ 7 апрѣля 1865 года.
9. Списокъ лицъ, подписавшихся на обѣдъ 7 апрѣля 1865 года.
10. Роспись кушаньямъ на обѣдѣ 7 апрѣля 1865 года—рисунокъ князя Г. Г. Гагарина.

РОДОСЛОВНАЯ ЛОМОНОСОВА.

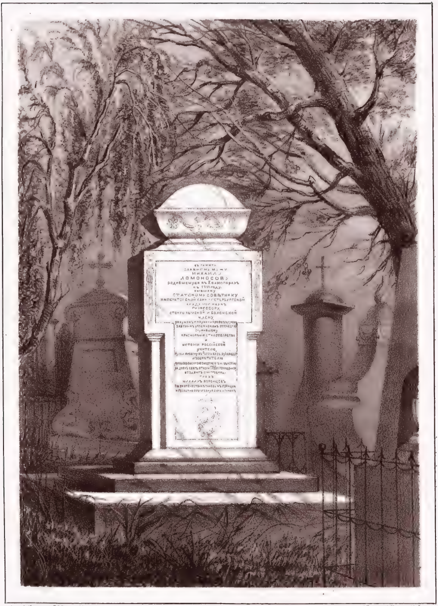


Краткая история | о поведении
Академической Канцелярии |
в рассуждении ученых ~~[illegible]~~ людей
и дел | с начала сего ~~[illegible]~~ корпуса |
до нынешнего времени |

~~Краткая история, о поведении Академической Канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с на~~

§.72.

Между тем как науки претерпевали
толь многие превратности; приключилось
невиданное неудобь вероятное ~~[illegible]~~
и невинным к ущербу надежды, так
в науках ~~такой~~ человек двух
академиков, которые данными себе
таковых махиавелевского учения,
что [illegible] [illegible] из [illegible]
выгодами, ~~[illegible]~~ [illegible] толико
вредно ближнему или целому обще-
ству. Единое ~~состоит~~ упование [illegible] ~~в~~
~~[illegible]~~ победа ~~[illegible]~~ всемилостивейшей
Государыни, которая благочинного со-
[illegible] к наукам, и усердие их так-
[illegible] [illegible] [illegible] рассма-
тривать [illegible] сие несчастие.
Если иного не воспоследует; то
[illegible] [illegible], что не так [illegible]
благоволение, чтоб науки возрасли и распро-
странились в России.



Дозв. Ценз. С. Петерб. 26 Октября 1865 года

ПАМЯТНИКЪ ЛОМОНОСОВА

на кладбищѣ въ Александро-Невской Лаврѣ

Надписи на надгробномъ памятникѣ Ломоносова, сочиненныя Штелинымъ.

I.

ВЪ ПАМЯТЬ

СЛАВНОМУ МУЖУ

МИХАИЛУ

ЛОМОНОСОВУ,

РОДИВШЕМУСЯ ВЪ ХОЛМОГОРАХЪ

въ 1711 году.

БЫВШЕМУ

СТАТСКОМУ СОВѢТНИКУ,

ИМПЕРАТОРСКОЙ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПРОФЕССОРУ,

СТОКГОЛЬМСКОЙ И БОЛОНСКОЙ

ЧЛЕНУ,

РАЗУМОМЪ И НАУКАМИ ПРЕВОСХОДНОМУ,

ЗНАТНЫМЪ УПРАЖНЕНІЕМЪ ОТЕЧЕСТВУ

СЛУЖИВШЕМУ

КРАСНОРѢЧІЯ, СТИХОТВОРСТВА

И

ИСТОРІИ РОССІЙСКОЙ

УЧИТЕЛЮ,

МУССІИ ПЕРВОМУ ВЪ РОССІИ БЕЗЪ РУКОВОДСТВА

ИЗОБРѢТАТЕЛЮ,

ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЮ СМЕРТІЮ ОТЪ МУЗЪ И ОТЕЧЕСТВА,

НА ДНЯХЪ СВЯТЫЯ ПАСХИ 1765 ГОДА ПОХИЩЕННОМУ,

ВОЗДВИГЪ СІЮ ГРОБНИЦУ

ГРАФЪ

МИХАИЛЪ ВОРОНЦОВЪ,

СЛАВЯ ОТЕЧЕСТВО СЪ ТАКОВЫМЪ ГРАЖДАНИНОМЪ

И ГОРЕСТНО СОБОЛѢЗНУЯ О ЕГО КОНЧИНѢ.

II.

VIRO CELEBERRIMO,

MICHAELI LOMONOSOW,

KOLMOGORODI NATO ANNO MDCCXI
AUGUSTÆ RUSSIARUM IMPERATRICIS
CONSILIARIO STATUS,
ACADEMIÆ SCIENTIARUM
PETROPOLITANÆ
PROFESSORI PUBLICO ORDINARIO,
HOLMENSIS ET BONONIENSIS SOCIO,
QUI INGENIO EXCELLUIT ET ARTIBUS,
PATRIÆ DECUS EXIMIUM,
ELOQUENTIÆ, POËSEOS
ET
HISTORIÆ PATRIÆ PRÆCEPTOR,
METRI RUSSICI INSTITUTOR,
TRAGEDIARUM IN VERNACULA AUCTOR,
PRIMUS MUSIVI OPERIS IN RUSSIA
PICTOR AUTODIDACTOS,
PRÆMATURA MORTE MUSIS
ATQUE PATRIÆ FERIIS PASCHATOS
MDCCLXV SCRIPTIS
ET
OPERIBUS OBLIVIONI EREPTUS,
TALEM CIVEM GRATULANS PATRIÆ,
OBITUM EJUS LUGENS
MICHÆL COMES A WORONZOW
POSUIT.

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. Н. Добролюбова

СПИСОКЪ

распорядителей Ломоносовскаго юбилея.

1. Анненковъ, Павелъ Васильевичъ.
2. Бестужевъ-Рюминъ, Константинъ Николаевичъ.
3. Воронцовъ-Дашковъ, графъ Иларіонъ Ивановичъ.
4. Гагаринъ, князь Григорій Григорьевичъ.
5. Галаховъ, Алексѣй Дмитріевичъ.
6. Гончаровъ, Иванъ Александровичъ.
7. Достоевскій, Ѳедоръ Михайловичъ.
8. Дубовицкій, Петръ Александровичъ.
9. Дудышкинъ, Степанъ Семеновичъ.
10. Ивашинцевъ, Николай Алексѣевичъ.
11. Карамзинъ, Владиміръ Николаевичъ.
12. Ковалевскій, Егоръ Петровичъ.
13. Кояловичъ, Михаилъ Осиповичъ.
14. Краевскій, Андрей Александровичъ.
15. Ламанскій, Владиміръ Ивановичъ.
16. Лазаревскій, Василій Матвѣевичъ.
17. Майковъ, Аполлонъ Николаевичъ.
18. Маркевичъ, Болеславъ Михайловичъ.
19. Мельниковъ, Павелъ Ивановичъ.
20. Меньковъ, Петръ Кононовичъ.
21. Перевощиковъ, Дмитрій Матвѣевичъ.
22. Погребовъ, Николай Ивановичъ.
23. Полонскій, Яковъ Петровичъ.
24. Ростовцовъ, графъ Михаилъ Яковлевичъ.
25. Семеновъ, Петръ Петровичъ.
26. Сидоровъ, Михаилъ Константиновичъ.
27. Срезневскій, Измаилъ Ивановичъ.
28. Ходцевъ, Алексѣй Ивановичъ
29. Шестаковъ, Иванъ Алексѣевичъ.
30. Шуваловъ, графъ Андрей Павловичъ.
31. Шуваловъ, графъ Петръ Григорьевичъ.
32. Щербатовъ, князь Григорій Алексѣевичъ.
33. Щербина, Николай Ѳедоровичъ.

СПИСОКЪ

лицъ, приглашенныхъ въ качествѣ почетныхъ гостей на обѣдъ 7 апрѣля 1865 года.

Волконскій, князь Михаилъ Сергѣевичъ.

Ностицъ, графъ Иванъ Григорьевичъ.

Орловъ, Николай Михайловичъ.

Раевскій, Михаилъ Николаевичъ.

Сверхъ того все высшее духовенство, совершавшее 6 Апрѣля панихиду въ Александроневской лаврѣ.

СПИСОКЪ

лицъ подписавшихся на обѣдъ 7 апрѣля 1865 года.

Аверинъ, Иванъ Андреевичъ.
Авиновъ, Ѳедоръ Александровичъ.
Агамоновъ, Михаилъ Андреевичъ.
Азаревичъ, Александръ Аполлоновичъ.
Акатьевъ, Николай Ивановичъ.
Алексѣевскій, Иванъ Осиповичъ.
Алексѣевъ, Петръ Алексѣевичъ.
Алферовскій, Алексѣй Васильевичъ.
Алферовскій, Василій Абрамовичъ.
Альбертини, Николай Викентьевичъ.
Аннаевъ, Егоръ Никитичъ.
Анненковъ, Иванъ Васильевичъ.
Анненскій, Ѳедоръ Николаевичъ.
Антроповъ, Лука Николаевичъ.
Апраксинъ, графъ Сергѣй Александровичъ.
Аристовъ, Василій Ивановичъ.
Армфельдтъ, графъ Владиміръ Александровичъ.
Арсеньевъ, Илья Александровичъ.
Артемьевъ, Александръ Ивановичъ.
Аскоченскій, Викторъ Ипатьевичъ.
Атрыганьевъ, Петръ Алексѣевичъ.
Бабарыкинъ, Константинъ Николаевичъ.
Бабарыкинъ, Петръ Дмитріевичъ.
Бабушкинъ, Иванъ Павловичъ.
Баллюзекъ, Левъ Ѳедоровичъ.
Барановъ, Ѳедоръ Ивановичъ.
Баранцовъ, Александръ Алексѣевичъ.
Барыковъ, Василій Степановичъ.
Батюшковъ, Помпей Николаевичъ.
Бахтинъ, Николай Ивановичъ.
Безакъ, Александръ Павловичъ.
Безобразовъ, Алексѣй Порфирьевичъ.
Безобразовъ, Михаилъ Александровичъ.
Безобразовъ, Николай Порфирьевичъ.
Безцѣнный, Михаилъ Алексѣевичъ.
Бенардаки, Дмитрій Егоровичъ.
Бискупскій, Константинъ Ксаверьевичъ.
Благовѣщенскій, Николай Михайловичъ.
Блажіевскій, Владиміръ Александровичъ.
Блажіевскій, Николай Александровичъ.
Блуевъ, Александръ Яковлевичъ.
Блюмъ, Александръ Ивановичъ.
Бобринскій, графъ Владиміръ Алексѣевичъ.
Бобровскій, Павелъ Осиповичъ.
Богуславскій, Василій Ивановичъ.
Богушевичъ, Юрій Михайловичъ.
Борисовъ, Василій Васильевичъ.
Боровковъ, Александръ Ивановичъ.
Бороздинъ, Яковъ Ильичъ
Борщовъ, Сергѣй Михайловичъ.
Боткинъ, Василій Петровичъ.
Бражниковъ, Павелъ Давидовичъ.
Броневскій, Дмитрій Богдановичъ.
Булаповъ, Михаилъ Ѳедоровичъ.
Булгаковъ, Петръ Алексѣевичъ.
Бурдинъ, Ѳедоръ Александровичъ.
Бутовичъ, Владиміръ Ивановичъ.
Бѣлинъ, Алексѣй Васильевичъ.
Бѣлогужевъ, Александръ Николаевичъ.
Бѣлостоцкій, Алексѣй Васильевичъ.
Бѣляевъ, Александръ Николаевичъ.
Быковъ, Иванъ Семеновичъ.
Быковъ, Николай Дмитріевичъ.
Валуевъ, Петръ Александровичъ.
Варадиновъ, Николай Васильевичъ.
Варгунинъ, Александръ Ивановичъ.
Варгунинъ, Иванъ Александровичъ.
Васильевъ, Василій Александровичъ.
Васильевъ, Петръ Васильевичъ.
Васильчиковъ, князь Викторъ Иларіоновичъ
Вастенъ, Александръ Ивановичъ.
Веловзоръ, Владиміръ Александровичъ.
Вельцинъ, Егоръ Егоровичъ.
Вешевитиновъ, Алексѣй Владиміровичъ.
Вернадскій, Иванъ Васильевичъ.
Вилькенсъ, Николай Васильевичъ.

Виноградовъ, Александръ Петровичъ.
Виноградовъ, Иванъ Лукичъ.
Владиміровъ, Василій Петровичъ.
Владимірскій, Викторъ Александровичъ.
Власовъ, Александръ Николаевичъ.
Войцеховичъ, Алексѣй Ивановичъ.
Волковъ, Александръ Ѳедоровичъ.
Волковъ, Алексѣй Ѳедоровичъ.
Волконскій, князь Петръ Дмитріевичъ.
Волоцкой, Александръ Алексѣевичъ.
Волоцкой, Николай Алексѣевичъ.
Воропинъ, Александръ Степановичъ.
Воронинъ, Константинъ Степановичъ.
Вороновъ, Андрей Степановичъ.
Воскресенскій, Александръ Абрамовичъ.
Врангель, баронъ Александръ Евстафьевичъ.
Второвъ, Николай Ивановичъ.
Вышеславцовъ, Алексѣй Владиміровичъ.
Вяземскій, князь Павелъ Петровичъ.
Гагаринъ, князь Павелъ Павловичъ.
Гауеръ, Николай Ивановичъ.
Гедеоновъ, Александръ Михайловичъ.
Гедеоновъ, Иванъ Михайловичъ.
Гейнродтъ, Александръ Ѳедоровичъ.
Геннади, Геннадій Николаевичъ.
Геннади, Николай Александровичъ.
Георгіевскій, Алексѣй Степановичъ.
Герингросъ, Николай Александровичъ.
Герингъ, Отокаръ Борисовичъ.
Герсевановъ, Михаилъ Николаевичъ.
Гизетти, Германъ Антоновичъ.
Гильфердингъ, Александръ Ѳедоровичъ.
Гинтеръ, Александръ Давидовичъ.
Гіероглифовъ, Александръ Степановичъ.
Глазовъ, Иванъ Алексѣевичъ.
Глазуновъ, Иванъ Ильичъ
Глазуновъ, Константинъ Ильичъ.
Глуховскій, Павелъ Ивановичъ.
Глѣбовъ, Иванъ Тимофѣевичъ.
Глѣбовъ, Семенъ Васильевичъ.
Головинъ, Владиміръ Ивановичъ.
Горбуновъ, Иванъ Ѳедоровичъ.
Горинъ, Николай Ивановичъ.
Горожанскій, Николай Петровичъ.
Горловъ, Иванъ Яковлевичъ.
Граббе, Николай Ивановичъ.
Грацинскій, Сергѣй Ивановичъ.
Григоровичъ, Абрамъ Платоновичъ.
Григорьевъ, Василій Васильевичъ.
Григорьевъ, Петръ Ивановичъ.
Григорьевъ, Яковъ Ивановичъ.
Громовъ, Василій Ѳедуловичъ.
Громовъ, Илья Ѳедуловичъ.
Гротъ, Константинъ Карловичъ.
Гротъ, Яковъ Карловичъ.
Данзасъ, Борисъ Карловичъ.
Данилевскій, Николай Яковлевичъ.
Дельвигъ, баронъ Андрей Ивановичъ.
Деляновъ, Иванъ Давидовичъ.
Денисовъ, Владиміръ Николаевичъ.
Депявинъ, Викторъ Яковлевичъ.
Дестремъ, Дмитрій Морисовичъ.
Дощевъ, Орестъ Павловичъ.
Дружининъ, Григорій Васильевичъ.
Дурново, Петръ Павловичъ.
Евреиновъ, Алексѣй Петровичъ.
Елкинъ, Петръ Гавриловичъ.
Ераковъ, Александръ Николаевичъ.
Еремѣевъ, Павелъ Петровичъ.
Еремѣевъ, Сергѣй Ивановичъ.
Ермаковъ, Николай Андреевичъ.
Ермолинскій, Николай Ивановичъ.
Ефремовъ, Василій Павловичъ.
Ефремовъ, Петръ Александровичъ.
Ждановъ, Михаилъ Павловичъ.
Жеваховъ, Николай Ильичъ.
Желтухинъ, Алексѣй Дмитріевичъ.
Жуковскій, Петръ Владиміровичъ.
Жуковъ, Василій Григорьевичъ.
Журавлевъ, Михаилъ Николаевичъ.
Журовскій, Дмитрій Ивановичъ.
Заблоцкій-Десятовскій, Андрей Парѳеновичъ.
Загуляевъ, Михаилъ Андреевичъ.
Занка, Владиміръ Денисьевичъ.
Замысловскій, Егоръ Егоровичъ.
Замысловскій, Константинъ Егоровичъ.
Замятинъ, Николай Александровичъ.
Заремба, Филиціанъ Ивановичъ.
Зарипъ, Ефимъ Ѳедоровичъ.
Засѣцкій, Михаилъ Дмитріевичъ.
Зеленой, Александръ Алексѣевичъ.
Зыковъ, Сергѣй Павловичъ.
Ивашкевичъ, Иванъ Андреевичъ.
Измайловъ, Александръ Александровичъ.
Иловайскій, Дмитрій Григорьевичъ.
Ильинъ, Михаилъ Ѳедоровичъ.
Ильинъ, Николай Семеновичъ.
Исаковъ, Николай Васильевичъ.
Исаковъ, Яковъ Алексѣевичъ.
Казнаковъ, Петръ Всеволодовичъ.
Казначеевъ, Александръ Ивановичъ.
Кантемировъ, Эдуардъ Николаевичъ.
Каншинъ, Василій Семеновичъ.
Каншинъ, Дмитрій Васильевичъ.

Карабановъ, Павелъ Алексѣевичъ.
Касаткинъ, Аркадій Ивановичъ.
Каталей, Иванъ Васильевичъ.
Квистъ, Александръ Ильичъ.
Келеръ, академикъ академіи художествъ.
Кетли, Дмитрій Романовичъ.
Климовъ, Александръ Ивановичъ.
Климовъ, Иванъ Ивановичъ.
Княжевичъ, Александръ Максимовичъ.
Княжевичъ, Владиславъ Максимовичъ.
Кобеко, Дмитрій Ѳомичъ.
Козицынъ, Петръ Ивановичъ.
Колошинъ, Николай Николаевичъ.
Комаровъ, Виссаріонъ Виссаріоновичъ.
Комаровъ, Никита Максимовичъ.
Компанейщиковъ, Николай Васильевичъ.
Корали, Николай Ивановичъ.
Корали, Степанъ Николаевичъ.
Корниловъ, Василій Степановичъ
Корниловъ, Иванъ Петровичъ.
Корниловъ, Ѳедоръ Петровичъ.
Коробинъ, Павелъ Александровичъ.
Коростовцовъ, Владиміръ Ивановичъ.
Корсаковъ, Михаилъ Семеновъ.
Корсаковъ, Николай Васильевичъ.
Костандулаки, Георгій Дмитріевичъ.
Корфъ, баронъ Модестъ Андреевичъ.
Корфъ, баронъ Павелъ Леопольдовичъ.
Коршъ, Валентинъ Ѳедоровичъ.
Красильниковъ, Александръ Александровичъ.
Кригеръ, Григорій Александровичъ.
Критъ, Николай Карловичъ.
Кропотовъ, Дмитрій Андреевичъ.
Крыжановскій, Николай Андреевичъ.
Кугушевъ, князь Викторъ Ивановичъ.
Кузнецовъ, Ефимъ Даниловичъ.
Кузнецовъ, Петръ Васильевичъ.
Кузьминъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ.
Кукель, Болеславъ Казиміровичъ.
Куприановъ, Иванъ Михайловичъ.
Куприановъ, Яковъ Александровичъ.
Кургановичъ, Александръ Викторовичъ.
Курочкинъ, Василій Степановичъ.
Кусовъ, Алексѣй Алексѣевичъ.
Куткинъ, Николай Евгеньевичъ.
Куторга, Михаилъ Семеновичъ.
Лажечниковъ, Александръ Александровичъ.
Лазаревъ, Михаилъ Михайловичъ.
Ламакинъ, Гаврила Николаевичъ.
Ламанскій Евгеній Ивановичъ.
Ламанскій, Порфирій Ивановичъ.
Латкинъ, Василій Николаевичъ.
Лебедевъ, Петръ Семеновичъ.
Левашовъ, графъ Николай Васильевичъ.
Левшинъ, Алексѣй Иракліевичъ.
Левшинъ, Дмитрій Сергѣевичъ.
Леонидовъ, Леонидъ Львовичъ.
Леонтьевъ Александръ Николаевичъ.
Леонтьевъ, Владиміръ Николаевичъ.
Лерхе, Морисъ Густавовичъ.
Леръ, Александръ Ивановичъ.
Лихачевъ, Иванъ Павловичъ.
Лихошинъ, Семенъ Семеновичъ.
Литке, Ѳедоръ Петровичъ.
Лохвицкій, Александръ Владиміровичъ.
Лубяновскій, Ѳедоръ Петровичъ.
Лутковскій, Иванъ Сергѣевичъ.
Лѣсниковъ, Иванъ Петровичъ.
Лѣтневъ, Александръ Яковлевичъ.
Львовскій, Сильвестръ Ивановичъ.
Любарскій, Александръ Степановичъ.
Любощинскій, Маркъ Николаевичъ.
Майковъ, Леонидъ Николаевичъ.
Майковъ, Николай Аполлоновичъ.
Макаровъ Алексѣй Ивановичъ.
Макаровъ, Иванъ Яковлевичъ.
Маковъ, Левъ Саввичъ.
Максимовичъ, Иванъ Кириловичъ.
Мальгинъ, Николай Глѣбовичъ.
Манкошинъ, Иванъ Николаевичъ.
Марковъ, Михаилъ Александровичъ.
Масленниковъ, Александръ Александровичъ.
Матвѣевскій, Николай Павловичъ.
Мендѣлеевъ, Дмитрій Ивановичъ.
Меньшиковъ, князь Александръ Сергѣевичъ.
Меньшиковъ, Павелъ Матвѣевичъ.
Мещерскій, князь Александръ Петровичъ.
Мещерскій, князь Владиміръ Петровичъ.
Мещерскій, князь Николай Петровичъ.
Микѣшинъ, Михаилъ Осиповичъ.
Милашевичъ, Михаилъ Рафаиловичъ.
Милашевичъ, Николай Семеновичъ.
Миллеръ, Александръ Ѳедоровичъ.
Миллеръ, Иванъ Петровичъ.
Миллеръ, Орестъ Ѳедоровичъ.
Мирковичъ, Михаилъ Ѳедоровичъ.
Мирковичъ, Ѳедоръ Яковлевичъ.
Митьковъ, Михаилъ Платоновичъ.
Михайловъ, Михаилъ Ѳомичъ.
Могилянскій, Матвѣй Матвѣевичъ.
Модестовъ, Василій Ивановичъ.
Моженевскій, Николай Даниловичъ.
Морозовъ, Павелъ Николаевичъ.
Мурузи, князь Александръ Дмитріевичъ.

Мухановъ, Илья Дмитріевичъ.
Мясоѣдовъ, Сергѣй Алексѣевичъ.
Назаровъ, Ѳедоръ Дмитріевичъ.
Нарышкинъ, Дмитрій Павловичъ.
Неболсинъ, Николай Ивановичъ.
Негри, Осипъ Осиповичъ.
Некрасовъ, Николай Алексѣевичъ.
Непорожневъ, Николай Ивановичъ.
Нелюбовъ, Дмитрій Дмитріевичъ.
Никитенко, Александръ Васильевичъ.
Никитенко, Ѳедоръ Дмитріевичъ.
Никольскій, Владиміръ Васильевичъ.
Новицкій, Василій Тимофѣевичъ.
Оболенскій, князь Егоръ Васильевичъ.
Оболенскій, князь Дмитрій Александровичъ.
Овсяниковъ, Филиппъ Васильевичъ.
Овсяниковъ, Степанъ Тарасовичъ.
Огреновичъ, Николай Степановичъ.
Окуневъ, Михаилъ Михайловичъ.
Олферьевъ, Николай Ивановичъ.
Ольхинъ, Александръ Александровичъ.
Ольхинъ, Сергѣй Александровичъ.
Орловъ-Давыдовъ, графъ Владиміръ Петровичъ.
Ососовъ, Василій Яковлевичъ.
Остенъ-Сакенъ, баронъ Ѳедоръ Романовичъ.
Остряковъ, Алексѣй Петровичъ.
Павловъ, Александръ Ивановичъ.
Панютинъ, Павелъ Ѳедоровичъ.
Паскевичъ, князь Варшавскій, графъ Ѳедоръ Ивановичъ Эриванскій.
Паульсонъ, Осипъ Ивановичъ.
Пеликанъ, Евгеній Венцеславовичъ.
Перетцъ, Александръ Абрамовичъ.
Перетцъ, Григорій Григорьевичъ.
Перникинъ, Григорій Мартьяновичъ.
Перовскій, Левъ Николаевичъ.
Перцовъ, Владиміръ Петровичъ
Петлинъ, Николай Степановичъ.
Писаревскій, Николай Григорьевичъ.
Плаутинъ, Михаилъ Ѳедоровичъ.
Плещеевъ, Иванъ Ивановичъ.
Погребовъ, Ѳедоръ Петровичъ.
Подгурскій, Ѳедоръ Александровичъ.
Позпякъ, Яковъ Аникіевичъ.
Полетика, Василій Аполлоновичъ.
Полищенко, Семенъ Захарьевичъ.
Половцовъ, Александръ Андреевичъ.
Полѣновъ, Дмитрій Васильевичъ.
Полѣновъ, Матвѣй Васильевичъ.
Поповъ, Михаилъ Николаевичъ.
Похвисневъ, Михаилъ Николаевичъ.
Проворовъ, Александръ Ивановичъ.
Прозоровскій-Голицынъ, князь Василій Аркадьевичъ.
Протасовъ-Бахметевъ, графъ Николай Александровичъ.
Путилинъ, Василій Дмитріевичъ.
Путилинъ, Николай Ивановичъ.
Пятовъ, Степанъ Михайловичъ.
Раденъ, баронъ Михаилъ Павловичъ.
Райковскій, Сергѣй Андреевичъ.
Раппапортъ, Маврикій Якимовичъ.
Ратковъ-Рожковъ, Всеволодъ Александровичъ.
Ратковъ-Рожковъ, Николай Александровичъ.
Рашетъ, Владиміръ Карловичъ.
Рейбницъ, Константинъ Карловичъ.
Рембевинскій, Николай Михайловичъ.
Ржевскій, Владиміръ Константиновичъ.
Ржевскій, Павелъ Константиновичъ.
Розенгеймъ, Михаилъ Павловичъ.
Романовскій, Дмитрій Ильичъ.
Романовъ, Василій Павловичъ.
Романовъ, Дмитрій Ивановичъ.
Рорбекъ, Осипъ Львовичъ.
Россетъ, Аркадій Осиповичъ.
Россели, Францъ Ивановичъ.
Ростовскій, Андрей Александровичъ.
Ротъ, Константинъ Ивановичъ.
Рубинштейнъ, Антонъ Григорьевичъ.
Рыбкинъ, Ѳедоръ Петровичъ.
Рѣзвой, Орестъ Михайловичъ.
Сабуровъ, Андрей Ивановичъ.
Сабуровъ, Петръ Александровичъ.
Савицкій, Михаилъ Астафьевичъ.
Сазиковъ, Валентинъ Игнатьевичъ.
Самарскій, Василій Евграфовичъ.
Самарскій, Владиміръ Васильевичъ.
Самойловъ, Василій Васильевичъ.
Сапожниковъ, Алексѣй Александровичъ.
Сарычовъ, Иванъ Ивановичъ.
Семевскій, Василій Арсеньевичъ.
Семевскій, Михаилъ Ивановичъ.
Семеновъ, Викторъ Семеновичъ.
Семеновъ, Николай Петровичъ.
Семяпниковъ, Петръ Ѳедоровичъ.
Сербиновичъ, Константинъ Степановичъ.
Сидоровъ, Аполлонъ Андреевичъ.
Скалонъ, Василій Даниловичъ.
Скачковъ, Констатинъ Андреяновичъ.
Скударновъ, Яковъ Кузьмичъ.
Скуратовъ, Дмитрій Петровичъ.
Смирновъ, Николай Михайловичъ.
Соболевъ, Александръ Прокофьевичъ.
Соболевъ, Петръ Ивановичъ.

Собольщиковъ, Василій Ивановичъ.
Соловьевъ, Модестъ Ѳеопемтовичъ.
Соловьевъ, Степанъ Ѳедоровичъ.
Соловьевъ, Ѳеопемтъ Гавриловичъ.
Сомовъ, Аѳанасій Николаевичъ.
Сосницкій, Иванъ Ивановичъ.
Старковъ, Иванъ Семеновичъ.
Старчевскій, Альбертъ Викентьевичъ.
Стасюлевичъ, Михаилъ Матѳѣевичъ.
Стенбокъ, графъ Михаилъ Михайловичъ.
Стенбокъ, графъ Юлій Ивановичъ.
Степановъ, Николай Александровичъ.
Столбовскій, Ростиславъ Захаровичъ.
Стороженко, Алексѣй Петровичъ.
Стояновскій, Николай Ивановичъ.
Стремоуховъ, Всеволодъ Егоровичъ.
Струбинскій, Владиміръ Ивановичъ.
Струговщиковъ, Александръ Николаевичъ.
Суворовъ, князь Италійскій, графъ Александръ Аркадьевичъ Рымникскій.
Сухомлиновъ, Михаилъ Ивановичъ.
Сущовъ, Николай Николаевичъ.
Сытинъ, Владиміръ Аполлоновичъ.
Таѳѣевъ, Сергѣй Александровичъ.
Тарасенко-Отрѣшковъ, Наркизъ Ивановичъ.
Тарасовъ, Александръ Дмитріевичъ.
Тарасовъ, Дмитрій Климентовичъ.
Татариновъ, Владиміръ Степановичъ.
Татищевъ, Александъ Александровичъ.
Таубе, Фердинандъ Ивановичъ.
Таубе, Юлій Ивановичъ.
Теляковскій, Аркадій Захаровичъ.
Тепляковъ, Петръ Алексѣевичъ.
Тимирязевъ, Дмитрій Аркадьевичъ.
Тимофѣевъ, Павелъ Петровичъ.
Тихменевъ, Михаилъ Павловичъ.
Толстой, графъ Дмитрій Николаевичъ.
Толстой, Ѳеофилъ Матѳѣевичъ.
Траутфеттеръ, Гуго Эрнстовичъ.
Траутфеттеръ, Рудольфъ Эрнстовичъ.
Третьяковъ, Александръ Николаевичъ.
Тройницкій, Александръ Григорьевичъ.
Тройницкій, Григорій Александровичъ.
Тройницкій, Николай Александровичъ.
Трубниковъ, Константинъ Васильевичъ.
Труворовъ, Аскалонъ Николаевичъ.
Туруновъ, Михаилъ Николаевичъ.
Турчаниковъ, Иванъ Егоровичъ.
Тюрбертъ, Александръ Антоновичъ.
Тютчевъ, Николай Ивановичъ.
Тютчевъ, Ѳедоръ Ивановичъ.
Унковскій, Алексѣй Никитичъ.
Утинъ, Борисъ Исааковичъ.
Утинъ, Исаакъ Іосифовичъ.
Утинъ, Іаковъ Исааковичъ.
Усовъ, Михаилъ Степановичъ.
Устиновъ, Александръ Тимофѣевичъ.
Устряловъ, Николай Герасимовичъ.
Ушаковъ, Александръ Павловичъ.
Фалѣевъ, Николай Ѳедоровичъ.
Фейгинъ, Яковъ Яковлевичъ.
Фелькнеръ, Владиміръ Ивановичъ.
Филипповъ, Александръ Николаевичъ.
Филоновъ, Андрей Григорьевичъ.
Философовъ, Алексѣй Иларіоновичъ.
Фанъ-деръ-Флитъ, Николай Ѳедоровичъ.
Фанъ-деръ-Флитъ, Ѳедоръ Тимофеевичъ.
Фойгтъ, Карлъ Карловичъ.
Фревиль, Александръ Карловичъ.
Фрейгангъ, Андрей Васильевичъ.
Фридерици, Александръ Ермолаевичъ.
Фридериксъ, баронъ Николай Петровичъ.
Фрицше, Юлій Ѳедоровичъ.
Фуксъ, Викторъ Яковлевичъ.
Хартулляри, Дмитрій Ѳедоровичъ.
Хвостовъ, графъ Александръ Дмитріевичъ.
Хозиковъ, Маркъ Николаевичъ.
Хозиковъ, Ѳедоръ Николаевичъ.
Холодковскій, Аполлонъ Дмитріевичъ.
Холщевниковъ, Николай Васильевичъ.
Хомутовъ, Павелъ Филипповичъ.
Хриповъ, Иванъ Антоновичъ.
Хрулевъ, Степанъ Александровичъ.
Цейдлеръ, Петръ Михайловичъ.
Циммерманъ, Аполлонъ Эрнестовичъ.
Цыцуринъ, Ѳедоръ Степановичъ.
Черновъ, Семенъ Васильевичъ.
Черняевъ, Николай Васильевичъ.
Чивилевъ, Александръ Ивановичъ.
Чичеринъ, Сергѣй Николаевичъ.
Чубаровъ, Алексѣй Ивановичъ.
Шабельскій, Петръ Ивановичъ.
Шаховской, князь Александръ Ивановичъ.
Шешинъ, Алексѣй Никитичъ.
Шиловъ, Иванъ Сергѣевичъ.
Ширяевъ, Григорій Ивановичъ.
Шишко, Макаръ Ѳедосѣевичъ.
Шнейдеръ, Карлъ Васильевичъ.
Шошинъ, Михаилъ Михайловичъ.
Шторхъ, Николай Андреевичъ.
Штромъ, Иванъ Васильевичъ.
Штромъ, Василій Васильевичъ.
Шульгинъ, Николай Дмитріевичъ.
Шульгинъ, Николай Николаевичъ.

Шульманъ, Николай Густавовичъ.
Шумахеръ, Александръ Даниловичъ.
Щелковъ, Алексѣй Дмитріевичъ.
Щепкинъ, Сергѣй Павловичъ.
Эркъ, Гавріилъ Каспаровичъ.
Эфенди, Кара-Ѳеодориди.
Юргенсъ, Иванъ Густавовичъ.
Юргенсъ, Юлій Андреевичъ.

Языковъ, Александръ Петровичъ.
Яковлевъ, Левъ Яковлевичъ.
Якубовичъ, Николай Мартьяновичъ.
Якушковскій, Семенъ Осиповичъ.
Ѳаворскій, Максимъ Андреевичъ.
Ѳедоровъ, Борисъ Михайловичъ.
Ѳедоровъ, Михаилъ Михайловичъ.
Ѳеоктистовъ, Евгеній Михайловичъ.

Санктпетербургъ, 7-го апрѣля 1865 года.

ТОСТЫ:

1. Государя Императора.

Пѣніе:

Слава на небѣ красному солнышку! Слава!
А на землѣ Государю Великому! Слава!
Чтобы царству Его прославлятися! Слава!
Чтобъ народу Его благоденствовать! Слава!
Чтобы судьямъ Его судить праведно! Слава!
Чтобы войску Его сіять доблестью! Слава!
Чтобъ подъ сѣнью Его цвѣсти знаніямъ! Слава!
Чтобъ Россіи Его славить во вѣки! Слава!
Мы Царю-Государю славу поемъ! Слава!
Славу поемъ, Царю честь воздаемъ! Слава!

2. Государыни Императрицы.

Пѣніе:

Слава на небѣ утренней зорюшкѣ! Слава!
А на землѣ Государынѣ ласковой! Слава!
Чтобъ Ей здравствовать въ счастіи, въ радости! Слава!
Чтобъ улыбкой и ласкою народъ радовать! Слава!
Православной Царицѣ мы славу поемъ! Слава!
Славу поемъ, мы Ей честь воздаемъ! Слава!

3. Государя Наслѣдника Цесаревича и всего Августѣйшаго Дома.

Пѣніе:

Слава на небѣ ясному мѣсяцу! Слава!
А на землѣ Государю Царевичу! Слава!
Чтобы жить Ему — тѣшить Родителей! Слава!
Чтобъ людямъ на Него глядѣть-тѣшиться! Слава!
Государю Царевичу славу поемъ! Слава!
Славу поемъ, Ему честь воздаемъ! Слава!
Слава на небѣ звѣздочкамъ частымъ! Слава!
А на землѣ Государеву племени! Слава!
Царскому роду мы славу поемъ! Слава!
Славу поемъ, Царю честь воздаемъ! Слава!

4. Въ память Ломоносова.

Пѣніе:

Славься, славься, великій мужъ!
Ты насадитель наукъ на Руси!
Доброе сѣмя посѣялъ ты въ ней!
Жатва все зрѣетъ — что̀ годъ, то́ пышнѣй!
Мы — ужь дѣти его —
Пожинаемъ плоды;
Лѣтъ немного пройдетъ,
И вся Русь ихъ пожнетъ;
Весь народъ возгласитъ:
Память во вѣкъ
Ломоносову!

5. За процвѣтаніе въ Россіи наукъ и литературы.

6. Въ память покровителей и друзей Ломоносова.

7. За благоденствіе Русской Земли.

РѢЧИ И СТИХОТВОРЕНІЯ:

1) А. Н. Майковъ — стихотвореніе.
2) А. И. Ходневъ — рѣчь.
3) Я. П. Полонскій — стихотвореніе.
4) И. И. Срезневскій — рѣчь.
5) Я. П. Полонскій читаетъ стихотвореніе Ѳ. И. Тютчева.
6) В. И. Ламанскій — рѣчь.
7) А. А. Краевскій читаетъ рѣчь Д. М. Перевощикова.
8) И. А. Гончаровъ читаетъ стихотвореніе М. П. Розенгейма.
9) В. Н. Карамзинъ читаетъ оду ЛОМОНОСОВА.

МУЗЫКА И ПѢНІЕ:

1) Польскій «Слава».
2) Пиръ Владиміра и пляска скомороховъ, изъ оперы «Рогнѣда», соч. Сѣрова.
3) «Травушка», соч. Бантышева, исполнитъ г. Никольскій.
4) Хоръ: «Слава».
4) Хоръ: «Возлѣ рѣчки возлѣ моста», соч. Лядова. } исполнятъ артисты русской оперы.
6) «Славься» изъ оперы «Жизнь за Царя», соч. Глинки.
7) «Борода ль моя бородушка», соч. Бахметева, исполнитъ г. Петровъ.
8) «Что не ласточка, не касаточка», тріо съ хоромъ, соч. Львова, исполнятъ гг. Петровъ, Никольскій, Васильевъ и хоръ русской оперы.
9) «Камаринская», соч. Глинки.

РОСПИСЬ КУШАНЬЯМЪ:

Закуска разная.

1. Крапивныя щи.

   Супъ съ кореньями.

2. Ватрушки.

   Пироги.

3. Холодное — таймень ладожскій.

4. Говядина помарбургски.

5. Архангельскіе рябчики съ зелеными бобами.

6. Пуншъ мороженый изъ морошки.

7. Жаркое: каплуны, перепела, дрозды, подорожники.

8. Русское мороженое.

   Плоды.

   Кофе и желтый чай.